

SVET 718 СВЕТ

6 ב"ה

ИЯР-СИВАН 5767
МАЙ 2007
MAY 2007
ZHIZN'-LIFE

Мошиах

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШИАХ!

Главный редактор:
раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор:
раввин НАФТОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор:
ЭЛИ ЭЛКИН
Редколлегия:
д-р ШЛОМО РОЗЕНОЕР,
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ
Корректор:
СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн, графика, рисунки:
ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор:
ИЕГУДИС ЭЛКИН

**Адрес издательства
«СВЕТ МОШИАХА»**

НЬЮ-ЙОРК
SVET Moshiach
605 Ocean Parkway,
Brooklyn, NY 11218
Тел.: 718-854-0006
Факс: 718-871-6955
E-mail: svet@moshiach.com

ЛОС-АНДЖЕЛЕС
Chabad Russian Immigrant
Program and Synagogue
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Тел.: (323) 848-2999

ИЗРАИЛЬ
Kiryat-Malachi, 70900
Chabad, 144/21
Тел. 972-8-850-1627
E-mail:
svet_moshiacha@yahoo.com

Журнал «СВЕТ МОШИАХА»
выходит ежемесячно.
Для оформления подписки
звоните по вышеуказанным
телефонам.
Цена годовой подписки
(12 номеров):
в Израиле – 50 шекелей,
в США - \$18.
Розничная цена:
в Израиле – 5 шекелей,
в США - \$1.50.

Печатается в Израиле
© «Свет Мошиаха»
Использование материалов
и их перепечатка
только с разрешения издательства

ZNIZN-LIFE
(ISSN #1060-4278, USPS 007-474)
is published monthly
by the Chabad Russian
Immigrant Program and Synagogue,
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
**regular subscription price is
\$18 per year.**
Periodicals postage paid
at Los Angeles,
California and additional entry point.
POSTMASTER send address
change to ZHIZN-Life
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Phone (323) 848 2999

На обложке:
Кроун-Хайтс, Центр Всемирного
Движения ХАБАД-Любавич,
Нью-Йорк, парад в Лаг-Баомер
(фото Александра-Тувьи Горохова)

Наш журнал теперь можно
найти в Интернете
<http://www.moshiach.ru/svet.php>

получаем тору!

В праздник Шавуот (6 Сивана (23 мая)), в синагогах читают главу Торы, в которой говорится о ее даровании. Особое внимание уделяется отрывку, где перечисляются Десять Заповедей, начертанные Всевышним на Скрижалях Завета. Любавичский Ребе призывает к тому, чтобы **ВСЕ ЕВРЕИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ**, в том числе и дети – даже младенцы, – присутствовали в синагоге во время утренней молитвы и слушали чтение Торы.

ЗАЖИГАНИЕ ПРАЗДНИЧНЫХ СВЕЧЕЙ

	ВТОРНИК 5 СИВАНА (22 МАЯ) Зажиг. Исход	НЬЮ-ЙОРК	ВТОРНИК 5 СИВАНА (22 МАЯ) Зажиг. Исход	СРЕДА 6 СИВАНА (23 МАЯ) Зажиг. Исход
ИЕРУСАЛИМ	18:58 20:15		19:54 -----	после 21:01 21:02
ТЕЛЬ-АВИВ	19:13 20:18			
ХАЙФА	19:06 20:19			
ЭЙЛАТ	19:05 20:08			

После зажигания праздничных свечей произносятся два благословения:

- БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДЕШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ
ВЭЦИВОНУ ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЕЛЬ ЙОМ-ТОВ
(«Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас
Своими заповедями и повелевший нам зажечь свечу праздника!»)
- БОРУХ АТО АДЭЙ-НОЙ ЭЛЭЙ-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ ШЕЭХИЙОНУ ВЕКИЙМОНУ
ВЭХИГИЙОНУ ЛИЗМАН ХАЗЭ
(«Благословен Ты, Б-г, Всесильный наш, Владыка вселенной, Который дал нам жизнь
и поддерживал нас, и дал нам дожить до этого времени»)

С РЕДАКТОРСКОГО СТОЛА

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ **3**

ЛЕТОПИСЬ ХАБАДА

ПАРАД - ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ Д.Аргаман, Н.Гроссман **4**

ЖИВОЕ СЛОВО

НАРУШАЮЩИЕ ЗАКОН... из выступлений Ребе **6**

ФАРБРЕНГЕН

ПОБЕДА р. Т.Болтон **8**

СЛОВА, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА

ТРЕБУЕТСЯ ДОКАЗАТЬ из писем Ребе **9**

ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ

ШЕСТЬ ДИНАРИЕВ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ Х.Фридман **10**

ДОРОГА В ЛЮБАВИЧ

ИГРА В ПРЯТКИ З.Голдин **12**

ПОСЛАННИКИ

ПОЧЕМУ В МИЛАНЕ НЕ БЫЛО ДОЖДЕЙ р. И.Коэн **14**

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

ЧЕЛОВЕК ИЗ АУШВИЦА Ц.Лерман **15**

ВЕТВИ ХАСИДСКОЙ МЕНОРЫ

КАК НАЧИНАЛАСЬ АСКАЛА **16**

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

ОТКРЫТИЕ ИСТИНЫ ИЛИ ГОЛЕМАТЬЯ? д-р Ш.Розеноер **18**

ЧЕТЫРЕ ЛОКТА ЗАКОНА

ЧУДЕСНАЯ И СЛОЖНАЯ СИСТЕМА д-р Ш.Розеноер **20**

ЖИЗНЬ С РЕБЕ

ОСОБЫЕ СИЛЫ ИЗРАИЛЯ Э.Элкин **21**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

КЛЯТВА УЗБЕКА Э.Люксембург **22**

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

ЧУДЕСНЫЕ ХАЛЫ А.Игин **25**

А МЫ СМЕЕМСЯ I.

ПЛОТОК ТЕПЛА Ш.Лугов **26**

РЕПОРТАЖ

NO PARKING SUNDAY **28**

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

ОТЦОВ-КОМАНДИРОВ

Богатый помещик, объезжая как-то свои владения, увидел крестьянина, укладывающего в стог скошенную траву. Помещик залюбовался красотой и точностью его движений, плавными взмахами вил. И настолько ему это зрелище понравилось, что он предложил крестьянину ежедневно приходить к нему в усадьбу и укладывать воображаемое сено в его гостиную. За это он обязался платить каждый день по десять рублей. Крестьянин, конечно же, согласился – ведь десять рублей он и за неделю не заработал бы!

На следующий день он явился в усадьбу и был проведен в гостиную. Около часа крестьянин старательно махал пустыми вилами, после чего получил обещанный червонец. Назавтра он явился снова, но на этот раз его «работа» была не столь энергичной, а энтузиазм – не таким пылким. Через несколько дней он сказал помещику, что хочет обратно в поле.

- Почему? - удивился помещик. – Неужели махать нагруженными вилами под палящим солнцем легче? Ты ведь можешь делать то же самое здесь, у меня, зарабатывая при этом во много раз больше!

- Так-то оно так, барин, - ответил крестьянин, - вот только работы не видно...

Историю эту Ребе рассказал на одном из фарбрэнгенов. Как и полагается притче, она должна нас чему-то учить.

Однажды к Ребе на прием записался один серьезный еврей, главный раввин столичного города и по совместительству – общественный деятель. В стране его проживания назревал крупный политический процесс, остаться равнодушным к которому – как гражданин – он не мог. «Может быть, мне стоит – спросил он Ребе, – принять более активное участие? В конце концов, я мог бы использовать свое влияние...» «Когда в городе – пожар, - ответил Ребе, - огонь гасят прежде всего в собственном доме. В вашей общине набирает ход ассимиляция, смешанные браки стали чуть ли не обыденным явлением, нет школы для еврейских детей, а молодежь пристрастилась к наркотикам. Самый настоящий пожар! И его нужно тушить как можно скорее».

Сотни посланников Ребе разбросаны по всему миру. Центры ХАБАДа можно найти сегодня везде, даже там, где нет «Кока-колы». Ведется активная работа, открываются новые учреждения, организуются мероприятия и уроки. И все это – при самом живом участии в общественной жизни страны (провинции, города, местечка – нужное подчеркнуть). Очень трудно при такой нагрузке не сбиться с правильного курса и продолжать намеченный путь. К тому же постоянно беспокоят мысли о том, что возложенная на тебя миссия требует действий (а иначе для чего тебе доверили штурвал?).

Здесь важно помнить простое, житейское правило: у каждого посланника – своя задача в жизни. Одному удастся организовать мероприятие международного масштаба, от которого в восторге общественность, политики и пресса. Другой, не обладая столь ярко выраженными организаторскими способностями, ограничивается очередным уроком по изучению Торы или Тании. Один учреждает сеть благотворительных организаций под эгидой своего центра ХАБАДа. А второй – лишь воскресный кружок для еврейских детей из средних школ. Один занят распространением Семи Законов Ноаха и добивается разрешения на аудиенцию с королевой Англии, чтобы разъяснить ей суть этих Законов. А второй всего лишь проводит фарбрэнгены у себя дома в субботние и праздничные дни. Кто добьется большего успеха? Вопрос праздничный. Все равно, как если бы спросить: «Что важнее – велосипед или самолет?»

Совершенно не имеет никакого значения, как внешне выглядит наша посланническая миссия – будь это пост главного раввина столицы передовой державы или должность программиста в какой-нибудь телефонной компании. Главное – осознать собственную «нужность». В данном месте, в данной обстановке, в данном окружении – с порученной тебе задачей лучше тебя никто не справится!..

Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон писал когда-то: «Служение не заключается в том, чтобы, - как кто-то неверно полагает, - крушить горы, дробить каменные глыбы или переворачивать мир. Абсолютная истина в том, что любая работа, любое действие, где и как они ни совершаются, полностью соответствуют требованиям, если совершаются с истинным намерением». А истинное намерение любой работы, за какую бы ни брался посланник Ребе, заключается лишь в абсолютной, ничем не обусловленной любви к ближнему и бескорыстной помощи тому, кому эта помощь действительно нужна.

Автору этих строк пришлось в свое время нести службу в рядах доблестной советской армии. Это были два нелегких года в строительных войсках, где главное оружие, как известно, лопата. Моторчика, как в анекдоте, у нее не было, но норму требовалось выполнять. Отцы-командиры научили меня простому правилу в обращении с этим нехитрым прибором: «Бери больше, бросай дальше. Пока летит - отдыхай».

Лишь спустя много лет я осознал мудрость этих слов: а не в них ли заключается смысл всей работы посланника? «Бери больше» - работай не покладая рук. «Бросай дальше» - не жалей сил. «Пока летит - отдыхай» - даже во время кратковременного отдыха (который необходим любому живому человеку) не забывая о возложенной на тебя миссии.

И тогда не придется махать пустыми вилами, чтобы доказать свою работоспособность. Работа сама найдет нас, а успех превзойдет все наши ожидания.

Детские парады в праздник Лаг-Баомер сегодня проходят чуть ли не в каждой стране мира. Миллионы детей принимают участие в этих красочных и торжественных мероприятиях. Зрелище, что и говорить, грандиозное и впечатляющее. Но мало кто сейчас знает о том, как это все начиналось...

— 1 —

В 1940 г., чудом вырвавшись из охваченной огнем войны Польши и чудом же перебравшись через океан, Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон прибыл, наконец, в США. На протяжении 20 лет (из них 10 в России, а другие 10 – в Польше) Ребе самоотверженно боролся за каждую еврейскую душу. Оказавшись в Америке, Ребе не прекратил свою деятельность и даже не позволил себе отдохнуть от стольких лет страданий и гонений. «Америка ни чем не отличается от Европы», - отвечал он скептикам, которые не верили в духовное возрождение еврейского народа в этой «золотой стране».

Ребе работал, не покладая рук, учреждая издательства и библиотеки, выпуская журналы и книги, публикуя статьи, ведя

ПАРАД СОСТОИТСЯ ПРИ ВСЯКОЙ ПОГОДЕ

ДАВИД АРГАМАН, НАОМИ ГРОССМАН

обширную переписку, принимая ежедневно десятки людей, создавая и руководя организациями по еврейскому воспитанию и распространению сокровищниц мысли Торы.

Спустя год после прибытия рабби Йосеф-Ицхака, на берег Соединенных Штатов ступил его зять, рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, будущий Ребе. Ему и его супруге, ребецин Хая-Мушке, удалось получить все необходимые документы и бежать из оккупированного Парижа. Рабби Менахем-Мендл сразу же включился в работу по распространению Торы и учения хасидизма, возглавив, по указанию тестя, сразу три новые организации – издательство «Кеот», «Махнэ Исроэль» и «Меркоз Леиньоней Хинух», ведающий вопросами еврейского образования и воспитания. Под эгидой последнего был учрежден «Национальный комитет в поддержку еврейского образования и воспитания», основной задачей которого была работа с еврейскими детьми – главным образом, учениками городских средних школ. Молодые бородатые парни в черных костюмах и шляпах разъезжали по нью-йоркским школам, находили еврейских детей, рассказывали о Торе и заповедях и всячески содействовали тому, чтобы эти школьники – хотя бы раз в неделю – посещали еврейские учебные заведения. Работы хватало, проект постоянно обрастал новыми идеями, большую часть из которых удалось реализовать в полную силу. А спустя год после учреждения Комитета у руководства появилась простая, но гениальная мысль – организовать детский парад, чтобы привлечь внимание общественности.

— 2 —

Первый детский парад состоялся в 5702 (1942) г., в один из полупраздничных дней Песаха. Проходил он возле здания «Севен Севенти». Следующим летом и в праздник Пурим состоялись еще два парада. Пуримский был наиболее активен – порядка шестисот еврейских детей приняли в нем участие. В честь этого события был выпущен специальный сувенирный альбом.

В 5713 (1953) г. в Лаг-Баомер состоялся детский парад, на котором Любавичский Ребе присутствовал впервые с того момента, как возглавил движение ХАБАД, а в 1956 г. впервые состоялся парад крупного масштаба, когда была перекрыта одна из главных дорожных артерий Бруклина – улица Истэрн Парквэй.

Мероприятие началось в 10:30 утра. Детей разделили на две группы, к каждой прикрепили руководителя. Пока дети ждали появления Ребе, раввин Шломо-Залман Гехт из Чикаго объяснил важность и серьезность момента – что значит видеть Ребе. Дети слушали его, подкрепляя силы содовой водой и пирожными и не забывая произносить благословения – под чутким руководством раввина Ицхака Гронера.

— 4 —

Вскоре появился Ребе и сразу же заговорил, обращаясь к детям. Его беседу с идиш на английский переводил все тот же раввин Гехт. В какой-то момент Ребе попросил собравшихся спеть «Ани Ма-амин», и две тысячи детских голосов подхватили этот напев. Затем процессия тронулась в путь, неся плакаты и транспаранты на английском и иврите с призывами соблюдать субботу и изучать Тору.

Сотни людей высыпали на улицы, наблюдая за торжественным шествием. Впереди всех медленно катился большой грузовик, на кузове которого стоял раввин Ицхак Гронер, вооруженный громкоговорителем, и убеждал зрителей следовать призывам.

Шествие продолжалось до Ностранд Авеню. Оттуда, на автобусах детей доставили в Проспект Парк, где их ожидала музыкальная часть мероприятия.

Ребе появился в парке неожиданно – даже для устроителей парада. Очевидно, этот пункт в программу не входил, как и было очевидно то, что Ребе не хотел довольствоваться одним лишь выступлением. Ребе хотел видеть глаза детей, слышать их голоса. Улыбка Ребе в этот день была красноречивее любых слов...

— 3 —

С 5717 (1957) г. было принято решение проводить парады каждый раз, когда Лаг-Баомер выпадает на воскресенье. Таким образом, предоставлялась прекрасная возможность привезти на мероприятие как можно больше школьников, для чего были задействованы десятки школьных автобусов. Детей привозили даже из Бостона и Нью-Хэвена. Парадами руководил раввин Яков-Йегуда Гехт, один самых близких хасидов Ребе, человек широких взглядов и широкой души.

С середины 60-х парады в Лаг-Баомер стали одним из самых зрелищных мероприятий Нью-Йорка. Тысячи еврейских детей из всех районов города собирались на Истэрн Парквэй.

На параде 5727 (1967) г. Ребе произнес ставшую впоследствии исторической речь, в которой за несколько дней до начала Шестидневной войны предрек победу израильской армии.

Для парада 5730 (1970) г. были сооружены ярко раскрашенные помосты, на которых возвышались гигантские изображения предметов, связанных с Торой и заповедями: копилка для цдоки, субботние свечи, тфиллин, священные книги и т.д. С тех пор это стало неотъемлемой частью воскресных парадов. Своих представителей – в полном обмундировании – присылала даже американская армия, чтобы придать параду колорит и красочность.

Лаг-Баомер 5736 (1976) г. на воскресенье не выпал. Но поскольку этот год был провозглашен «годом еврейского образования и воспитания», парад провели во вторник.

«В те дни просьба Ребе расценивалась как приказ, – вспоминает один из участников парада, тогда еще студент любавичской йешивы. – Тут же подали запрос в мэрию города, чтобы получить разрешение перекрыть Истэрн Парквэй, уладили вопрос с транспортом. Все работали с энтузиазмом и воодушевлением. Омрачало лишь одно – прогноз погоды. Согласно предсказаниями синоптиков в тот день намечался самый настоящий ливень.

Раввин Гехт, руководивший организацией парада, обратился к Ребе за благословением на успех, упомянув в своей просьбе и о погоде. Ребе ответил, что собирается присутствовать на параде лично.

Под вечер небо затянуло тучами, и утро началось с проливного дождя. С шести до семи дождь шел не переставая. В семь немного распогодилось, но вскоре опять наполнили тучи. Один из полицейских, получивших в этот день приказ наблюдать за порядком в Кроун-Хайтсе, сказал мне: «Ну и ливень! Вы парни, всеерьез должны что-то сделать, чтобы он прекратился!..»

Ребе пришел к половине десятого. В это же время стали прибывать автобусы с детьми. Истэрн Парквэй перекрыли от Олбани Авеню до Нью-Йорк Авеню. Дождь лил не переставая. Боевое настроение постепенно сменялось унынием. Парад находился на грани срыва.

В 11:30 Ребе вышел на балкон «Се-вен Севенти», и дождь остановился. Люди не верили своим глазам. Тучи разошлись, вышло солнце. Вскоре от полицейских стало известно, что дождь продолжает заливать весь Нью-Йорк. Об этом им сообщили коллеги, которые дежурили в других районах города. «Ты не поверишь, Тони, – кричал в переговорное устройство один из «наших» полицейских, – но у нас здесь всюю светит солнце!» В ответ слышался неразборчивый хрип, по обрывкам которого можно было понять, что сослуживец Тони действительно считает, что его разыгрывают.

Этот парад был одним из самых впечатляющих. Тысячи детей маршировали по Истэрн Парквэй, гремела музыка, кувыркались клоуны. Ребе, улыбаясь, следил за происходящим и то и дело взмахивал ладонью в знак приветствия...»

«НАРУШАЮЩИЕ ЗАКОН СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАКАЗАНЫ!..»

Из выступления Ребе в Лаг-Баомер 5740 (1980) г.

Беседе Ребе, изложенной ниже, уже больше двадцати лет. Ребе произнес ее на русском языке, во время парада в Лаг-Баомер и посвятил ее тем евреям, которым удалось покинуть пределы СССР, и тем, кто пока еще не обрел свободу. Обстановка в мире тогда была относительно стабильной, Москва готовилась к Олимпиаде, между США и Союзом продолжалась «холодная война», и никто даже не мог предположить, что всего через пять лет грянут потрясающие перемены. Но Ребе, который постоянно держал руку на пульсе земного шара, предвидел многое, что в те дни казалось утопией. Или антиутопией...

«...Сегодняшний парад в честь праздника Лаг-Баомер содержит в себе важнейший урок для всех присутствующих здесь, особенно для тех, кто недавно приехал из Советского Союза и стран восточной Европы. Эти люди на собственном опыте убедились, что Б-г охранял их и сохранил их даже под властью режима, который уже более 60-и лет препятствует распространению еврейского воспитания. Несмотря на все преграды, многие из них сейчас уже здесь или в других странах, где проходят такие парады, посвященные дню Лаг-Баомер и рабби Шимону бар Йохайю. Тот факт, что они вместе со своими детьми сегодня среди нас, - лучшее свидетельство силы Торы и еврейского народа: если еврей твердо решил идти по пути, указанному Б-гом и Его Священной Торе, исполняя Его указания - священные заповеди, то никакое изгнание и никакой режим не в силах помешать им в этом. Таким образом, они преодолевают все трудности и воссоединяются с тысячами еврейских братьев и сестер. И сегодня все они пришли на парад, чтобы почтить память одного из корифеев Торы - величайшего мудреца, самоотверженно противостоявшего язычникам, готового пожертвовать всей своей жизнью ради сохранения еврейского духа во всех грядущих поколениях.

Священная миссия каждого из присутствующих здесь, особенно тех, кто прибыл из России, Румынии и других подобных стран, - откровенно и с гордостью рассказывать всем, что еврей способен сохранить верность Торе и традициям вопреки любым препятствиям. В конце концов он побеждает, и это удается ему потому, что он не только сам сохраняет еврейское самосознание, но и воспитывает его в своих детях, несмотря на любые трудности. Евреи, приехавшие из России, должны стать живым примером того, как нужно и дальше строить свою жизнь в духе Торы, уже находясь в свободном мире. Они должны приложить еще большие усилия в этом направлении, чтобы повлиять на окружающий мир, оказывая тем самым поддержку евреям, которые пока находятся за «железным занавесом», чтобы те, не дай Б-г, не потеряли надежду обрести свободу и продолжали во всем следовать священной Торе и исполнять ее заповеди. Ибо обещано Б-гом, что в конечном итоге Он освободит и их. Рабби Шимон бар Йохай говорил, что Б-г находится в изгнании с каждым евреем. Другими словами, где бы евреи ни находились - в европейской или азиатской части Советского Союза, в относительной свободе или ссылке - с каждым из них пребывает Сам Б-г. Всевышний охраняет их и дает им силы пережить все трудности и дождаться Освобождения, которое наступит в самом скором будущем. Это касается всех евреев без исключения, в том числе и тех, кто за «железным занавесом».

Необходимо сообщить всем детям, находящимся там, что когда сын или дочь приходят к отцу или матери и просят родителей обучить их Торе и заповедям, то по советским законам родителям гарантировано право воспитывать детей в соответствии с собственными убеждениями.

Все, кто пытаются этому помешать (будь то милиционер или более высокие представители власти), нарушают советскую конституцию, действуют вопреки советскому законодательству и потому подлежат судебному преследованию и наказанию за нарушение закона. Более того, власти должны – и они делают это – защищать евреев, чтобы никто не мешал отцам и дедушкам, матерям и бабушкам обучать детей Торе и показывать им на своем примере, как следует исполнять ее заповеди. Все те, кто защищает или пропагандирует противоположную точку зрения, просто лгут!

В этом легко убедиться, если прочитать соответствующий закон конституции. Власти пользуются тем, что некоторые не знают об этом пункте советской конституции.

Настало время сказать об этом в полный голос. Я надеюсь, что эту передачу слушают и в России. И сегодня, в день Лаг-Баомер, или же завтра каждый сможет сам прочитать этот пункт закона, который изложен настолько простыми и ясными словами, что не требует никаких разъяснений. Каждые отец и мать, каждые дедушка и бабушка имеют полное право воспитывать своих детей и внуков так, как считают нужным. Те, кто мешает этому, – уголовные преступники, нарушающие советские законы! Их нужно снять с их постов, а вместо них назначить людей, которые будут соблюдать советские законы. Они не только не будут препятствовать воспитанию еврейских детей в духе Торы и заповедей, но даже будут этому содействовать, что ускорит наступление Освобождения, которое произойдет в самом ближайшем будущем.

И пусть все это, по воле Б-га, приведет к тому, чтобы в самом скором времени все мы, в том числе и те, кто пока еще за «железным занавесом», обрели настоящее Освобождение, которое принесет мир и полную свободу народам всей земли и каждому человеку в отдельности. А ведь это и есть идеал всех и каждого – жить свободно, без притеснений и преследований, согласно своим желаниям, природным склонностям и вековым традициям своего народа.

Тысячелетняя еврейская традиция связывает истинную свободу каждого еврея с образом жизни, соответствующим Священной Торе, дарованной нам Б-гом, Который управляет всем миром. Этой настоящей свободе будут сопутствовать крепкое здоровье, истинный мир и радость – и теперь, и в будущем, и во веки веков. И тогда, совсем скоро, мы вместе выйдем встречать нашего праведного Мошиаха и пойдем вместе с ним в нашу Священную Землю, на которую «взор Всевышнего устремлен от начала года до конца года».

Все это станет реальностью, если каждый еврей, который уже находится здесь или в другой свободной стране, будет служить живым примером для других, укрепляя свою связь с Торой и ее заповедями.

Особое внимание следует уделить еврейскому воспитанию детей, чтобы каждые мальчик и девочка не только сами шли по пути, указанному Б-гом, изучая Тору и исполняя ее указания, но и требовали от родителей еще более тщательного соблюдения законов Торы в повседневной жизни. И все должны выполнять свою миссию с радостью и воодушевлением, а это непременно приведет к еще большим успехам...

Особые даты месяцев Ияр - Сиван

РОШ-ХОДЕШ ИЯР (1 ИЯРА) 5548 (1788) г. – йорцайт рабби Менахем-Мендла из Городка, одного из последователей рабби Довбера из Межерич (Межеричского Магида)

2 ИЯРА 5594 (1834) г. – день рождения Четвертого Любавичского Ребе Шмуэля (Ребе Махараш)

2 ИЯРА 5702 (1942) г. – день, когда по инициативе Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака было начато написание свитка Торы для встречи Мошиаха

13 ИЯРА 5712 (1952) г. – йорцайт рабби Исрозль-Арье-Лейба Шнеерсона, младшего брата Нынешнего Ребе Менахем-Мендла Шнеерсона

21 ИЯРА 5709 (1949) г. – по инициативе Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака основано поселение Кфар-Хабат в Эрец-Исрозль.

26 ИЯРА 5617 (1857) г. – йорцайт рабби Ицхака-Айзек Эпштейна из Гомеля, главного раввина г. Гомеля (этот пост он занимал на протяжении 58 лет), одного из ближайших хасидов первых трех Ребе ХАБАДа (Алтер Ребе, Мителер Ребе и Ребе Цемах-Цедек)

3 СИВАНА 5589 (1829) г. – Третий Любавичский Ребе Менахем-Мендл (Ребе Цемах-Цедек) становится во главе хасидов ХАБАДа

6 СИВАНА 5520 (1760) г., первый день праздника Шавуот – йорцайт рабби Исрозля Баал-Шем-Това, основоположника учения хасидизма

7 СИВАНА 5521 (1761) г., второй день праздника Шавуот – рабби Довбер из Межерича (Межеричский Магид), ученик и последователь Баал-Шем-Това, становится во главе хасидского движения

13 СИВАНА 5660 (1900) г. – свадьба рабби Леви-Ицхака Шнеерсона и ребецин Ханы, родителей Нынешнего Любавичского Ребе Менахем-Мендла Шнеерсона

15 СИВАНА 5665 (1905) г. – йорцайт рабби Шмуэль-Бецалеля (РАШБАЦ), учителя Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона и духовного наставника йешивы «Томхей-Тмимим»

15 СИВАНА 5687 (1927) г. – арестован и заключен в тюрьму Шпалерная Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон

16 СИВАНА 5666 (1906) г. – день рождения рабби Исрозль-Арье-Лейба, младшего брата Ребе

20 СИВАНА 5662 (1902) г. – по приказу властей закрыта йешива «Томхей-Тмимим» в Любавичах (открыта через два дня благодаря инициативе, проявленной рабби Йосеф-Ицхаком Шнеерсоном, руководителем йешивы в те дни)

28 СИВАНА 5701 (1941) г. – день прибытия в США рабби Менахем-Мендла Шнеерсона, зятя и преемника Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона, и его супруги ребецин Хая-Мушки

Р. ТУВЬЯ БОЛТОН

ПОБЕДА

Было это в начале 80-х. Еще неженатый, я впервые приехал в Израиль и в течение года учился в йешиве в Кфар-ХАБАДе. Всем известно, что одна из главных задач движения ХАБАД – распространение Торы и ее заповедей среди всех евреев. Поэтому каждое воскресное утро я садился в наполненный израильскими солдатами поезд, совершавший остановку в Кфар-ХАБАДе, и надевал тфиллин на пассажиров.

Случилось так, что однажды руководитель йешивы реб Мендель Футерфас, увидев меня чуть ли не бегущим, спросил, куда я так спешу. Я ответил.

– Я поеду с тобой, – вдруг сказал он.

Я опаздывал на поезд, а добираться до станции даже бегом надо было минут десять.

– Реб Мендель, – бросил я на ходу, – если Б-гу будет угодно, мы как-нибудь поедем вместе, но сейчас...

– Ты беги, я тебя догоню. Не оглядывайся только! – крикнул мне вдогонку реб Мендель.

Я бежал довольно быстро и понимал, что у реб Менделя нет никаких шансов. Ему было тогда уже за 60. В своё время он освободился из заключения в сталинских лагерях, здоровье его было подорвано. Ко всему прочему, у него были большие ноги.

Я успел на поезд буквально за минуту до отправления. И, потрясенный, увидел, как вслед за мной взобрался по ступенькам реб Мендель! Как ему это удалось, я так никогда и не смог узнать.

Поезд стал набирать ход. Реб Мендель, прислонившись спиной к дверям и пытаясь отдышаться, знаком попросил меня дать ему тфиллин и начинать без него. Я отдал ему одну из четырех имевшихся у меня пар, вошел в первый вагон и начал работать.

Обычно все происходило так: сначала несколько человек вежливо отказывались надеть тфиллин, затем кто-то соглашался, а вслед за ним появлялись новые и новые желающие. На этот раз мне был уготован сюрприз.

р. Мендель Футерфас

Вначале все шло по уже давно «налаженному» сценарию. На предложение исполнить заповедь тфиллин первый из пассажиров ответил отказом. Отказался и другой, сидевший рядом. Третий же, мужчина средних лет, крепкого телосложения, плечистый, коренастый разозлился – и по-настоящему. В Израиле довольно много тех, кто лютой ненавистью ненавидит религиозных евреев. Он был из этих. Лысина, свирепое лицо, короткая, толстая шея налились краской. Глаза сузились. Он наклонился вперед, словно готовый в любую минуту наброситься на меня, и процедил сквозь сжатые зубы: «Тауф микан о эшбор леха эт а-парцуф!» (Что означало приблизительно следующее: «Отвали отсюда, или я разобью тебе рожу!»).

Намек был более чем красноречивый. Я выдавил из себя подобие улыбки и пошел

дальше. Затем кто-то в середине вагона захотел надеть тфиллин, затем еще, и незаметно я задействовал все три пары. Вдруг я вспомнил о реб Менделе! Ведь он мог войти в вагон в любую минуту. Кто знает, какой будет реакция того человека, когда к нему – с той же просьбой – обратится еще один религиозный еврей? Я должен был спасти реб Менделя от жестокой расправы, во что бы то ни стало! Но, обернувшись, понял, что опоздал. Первые два пассажира так же ответили реб Менделю отказом, и он уже стоял возле нашего «друга»! Тот оторвался от чтения газеты. Мощный затылок стал малиновым...

– Эй, раби, как снимать-то! – окликнул меня один из солдат.

А затем – другой:

– Теперь моя очередь!

Я повернулся к ним. Мои мысли смешались. Даже спиной я чувствовал нависшую над реб Менделем угрозу... И вдруг услышал:

– Дорогой мой! Давай наденем тфиллин! Я ведь тебя люблю и не желаю тебе зла!

Я обернулся и застыл на месте. Реб Мендель, склонившись над разъяренным пассажиром, держал его за мощное плечо и улыбался. В его глазах не было ни капли страха, ни растерянности. Он ЛЮБИЛ этого человека, как и всех евреев в мире.

Солдаты снова окликнули меня. Я вернулся к ним. А когда оглянулся снова, то стал свидетелем самого что ни на есть великого чуда. От былой агрессии не осталось и следа. Еще пять минут назад взбешенный домогательствами мракобесов и готовый изувечить меня мужчина стоял, «опутанный» ремешками тфиллин, и, покачиваясь в такт движению поезда, читал по маленькому листочку молитву «Шма». Реб Мендель с ангельским выражением лица, с любовью в глазах смотрел на него. Это была победа.

Перевел с англ. – Захарья Френкель
www.moshiach.ru

«ТРЕБУЕТСЯ ДОКАЗАТЬ...»

(СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД)

С Б-жьей помощью
18 Тамуза, 5714 (1954) г.
Бруклин, Нью-Йорк

Мир и благословение!

Я получил Ваше письмо от 13 июня с кратким автобиографическим очерком. Вы сетуете на апатию и безразличие к религиозной практике, возникшие у Вас в последнее время в результате сомнений относительно истинности наших традиций. Главный вопрос, который Вас беспокоит – как можно доказать достоверность Торы и ее заповедей с помощью логики.

Надеюсь, что Ваша неуверенность возникла **исключительно** как следствие мучимой Вас дилеммы. Я подчеркиваю – **исключительно**, поскольку в большинстве подобных случаев люди попросту не желают обременять свою жизнь «древними предписаниями» и ищут оправдания собственному поведению с помощью «философских» размышлений. Полагаю, однако, что это – не Ваш случай. Поэтому постараюсь разрешить Ваши сомнения хотя бы вкратце. И в качестве предпосылки использую все то же, старое, как мир, утверждение: Тора и заповеди были дарованы нам, евреям, благодаря Б-жественному Откровению. Доказать, на самом деле, это не так уж сложно, поскольку наше доказательство строится на тех же принципах, что и все другие доказательства подобного рода: свидетельства очевидцев и исторический опыт.

Начнем, пожалуй, с примера.

В своем письме Вы упомянули Рамбама. Предположим, кто-то спросит Вас – а существовал ли такой человек на самом деле? Конечно же, Вы ответите утвердительно и сошлетесь на труды, которые написал Рамбам. Жил он почти 800 лет назад, скажете Вы, но его работы были перепечатаны с ранних изданий, а те – с еще более ранних. Звенья цепочки приведут нас, в конце концов, к личным рукописям Рамбама. Как мне кажется, это – вполне весомое доказательство. Бесспорно, случается, что возникают разногласия между той или иной книгами. Встречается такое, однако, крайне редко, и, являясь исключением, лишь подтверждает незыблемость правила. Более того, в таких случаях противоречия стремятся устранить, чтобы подтвердить лишний раз, что обе книги написаны одним и тем же автором.

То же доказательство применимо к любому историческому факту, непосредственными очевидцами которого мы быть не могли. Здравомыслящий человек примет это доказательство без вопросов. Спорить будет, пожалуй, лишь тот, кто заинтересован в фальсификации.

Во многих случаях достоверность исторических событий основана на свидетельстве ограниченной

группы людей, и всегда имеется подозрение, что свидетели эти были, возможно, не совсем объективны. Тем не менее, если нет явной причины для подозрений и уж тем более, если мы можем проверить достоверность свидетельства и даже перепроверить, оно принимается как факт.

Думаю, что всего вышесказанного уже достаточно, чтобы любые сомнения, которые у Вас появились в отношении достоверности еврейских традиций, мгновенно рассеялись.

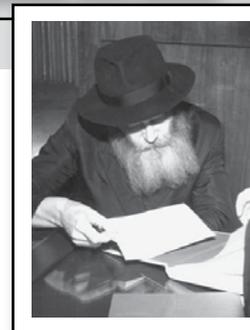
В любом случае, миллионы евреев всегда знали и знают до сих пор, что Тора (как Письменная ее часть, так и Устная) – творение Всевышнего. Всевышний даровал Тору нашему народу не только для того, чтобы изучать ее как науку, а прежде всего – чтобы соблюдать ее предписания на практике, в повседневной жизни.

Откуда же знают упомянутые выше миллионы (и мы с Вами в том числе), что Тора – это истина? Знание это основано исключительно на знаниях наших предков, которые жили до нас и, в свою очередь, получали эти же знания от своих отцов и т. д. Непрерывная цепочка уходит своим началом непосредственно к свидетельству миллионов евреев, (если помимом 600000 взрослых мужчин в возрасте от 20 до 60 лет учитывать еще женщин, стариков и детей), которые были прямыми очевидцами Б-жественного Откровения у горы Синай. Это свидетельство передавалось из поколения в поколение по цепочке устной традиции, принятой не просто группой избранных и посвященных, но целым народом. Это свидетельство выдержало испытание временем и дошло до нас без единого изменения. Такое доказательство опровергнуть невозможно.

Тяжело по ходу небольшого письма подробно исследовать столь сложный вопрос, но я уверен, что даже изложенный выше короткий анализ рассеет любые Ваши сомнения (если они действительно настолько серьезны) относительно истинности Торы. Я уверен также, что Вы больше не позволите никому и ничему поколебать Вашу твердость в соблюдении заповедей. Ведь само их исполнение дает разуму и душе гораздо больше света, чем любые философские размышления.

Надеюсь получать от Вас лишь добрые вести и желаю успеха.

С благословением
М. М. Шнеерсон

ШЕСТЬ ДИНАРИЕВ на ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

ХАВИ ФРИДМАН

Могила рабби Шимона бар Йохая, Эрец-Исраэль, Мерон

РАССКАЗЫ О РАШБИ

ВЕТКИ МИРТА

РАШБИ – рабби Шимон бар Йохай. Один из величайших мудрецов Торы, раскрывший миру самые сокровенные ее тайны. Его учителем был великий рабби Акива, который – в силу привязанности и любви к ученику – называл рабби Шимона просто: «мой сын». Жизнь и деятельность рабби Шимона пришлась на один из самых нелегких периодов в истории еврейского народа – период римского владычества над Иудеей. Множество историй существует об этом праведнике и мудреце Торы. Вот лишь несколько из них.

Рабби Йегуда, рабби Йоси и рабби Шимон обсуждали как-то реформы нового императора Антония Пия. «Я восхищен его делами! – сказал рабби Йегуда. – Улицы восстановлены, возведены мосты, построены бани!..» Рабби Йоси промолчал, а рабби Шимон высказался резко и недвусмысленно: «Все его дела – корыстны. Улицы и ярмарки полны блудницами, в банях римляне лелеют и умачивают собственные тела, а мосты построены для того, чтобы взимать с народа непомерную пошлину».

Находившийся неподалеку Йегуда бен Герим услышал разговор, рассказал об этом другим, и слухи о недовольстве рабби Шимона вскоре дошли до властей. Вольнодумец был заочно приговорен к смертной казни.

Вместе с сыном Элизером рабби Шимон был вынужден бежать. Первое время они скрывались в доме учения, и об их местонахождении знала лишь жена рабби Шимона. Она ежедневно приносила мужу и сыну немного хлеба и кувшин с водой. Но римская администрация всерьез взялась за поиск бунтовщика, и рабби Шимон, чувствуя нависшую угрозу, предложил сыну покинуть дом учения. Отныне их укрытием стала пещера.

Чтобы не допустить голодной смерти, Всевышний сотворил для беглецов чудо: в бесплодной пещере выросло рожковое дерево, и забил источник с ключевой водой. Понимая, что их добровольное заключение может оказаться довольно долгим, отец с сыном на время учебы снимали свои одежды и зарывались в песок по самую шею. Когда подходило время молитвы, они одевались, молились, затем, уже раздетые и погруженные в песок, снова брались за учебу. Таким образом они берегли свои одежды.

Двенадцать лет длилось их изгнание. В качестве награды за свои страдания рабби Шимон был удостоен откровения Свыше: ему были раскрыты самые сокровенные тайны Торы, которые он записал и изложил в книге «Зоар».

По истечении двенадцатого года пребывания в пещере сам Элиягу-пророк возвестил рабби Шимону и его сыну о смерти римского императора и отмене указа о смертной казни. Услышав добрые вести, рабби Шимон и рабби Элизер немедленно покинули свою «тюрьму».

Годы, проведенные в постоянном служении Всевышнему, дали о себе знать. Избавленные от забот о хлебе насущном, день и ночь занятые изучением Торы отец и сын не могли понять, как можно быть занятым чем-либо другим. Зрелище землешапки потрясло их до глубины души: «Променять вечную жизнь на преходящую?! Вместо того, чтобы изучать Тору, заниматься будничным ремеслом?!» И куда бы ни бросали они свой взгляд, все мгновенно сгорало. Тотчас же прозвучал Голос Свыше: «Разве для того вы были освобождены, чтобы разрушать Мой мир?! Немедленно возвращайтесь в пещеру!»

Рабби Шимон и рабби Элизер повиновались приказу Всевышнего и, приняв наказание, провели в пещере еще год. После того, как и этот срок истек, отец с сы-

ном вновь вышли на свободу. На этот раз – другими людьми. И если случалось, что рабби Элизер, бросив неодобрительный взгляд, разрушал что-либо, рабби Шимон мгновенно восстанавливал разрушенное.

Однажды накануне субботы, незадолго до захода солнца, они повстречали старика, который, спеша домой, нес две охапки мирта. Рабби Шимон и рабби Элизер поинтересовались, зачем ему мирт. «Хочу украсить свой дом в честь наступающей субботы», – сказал тот. «Но разве одной охапки недостаточно для того, чтобы наполнить благоуханием весь дом?» «Одна нужна мне для того, чтобы «помнить день субботний»¹, а вторая – чтобы «освящать день субботний»², – ответил старик.

«Смотри, – воскликнул рабби Шимон, обращаясь к сыну, – как драгоценны заповеди Торы для народа Израиля!..» И мысли их полностью успокоились.

(Шаббат, 33б)

ШЕСТЬ ДИНАРИЕВ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Рабби Шимон бар Йохай крайне редко отвлекался на будничные заботы. Тора была его главным ремеслом, и ей он посвящал практически все свое время. Об этом знали все близкие и родные мудреца.

Как-то, сразу же после Рош-а-Шана рабби Шимон появился на пороге дома одного из своих племянников и стал горячо убеждать того в важности исполнения заповеди цдоки. Тот был чрезвычайно удивлен визитом, но, зная о великой мудрости и праведности своего дяди, слушал внимательно.

«Не скупись, помогай беднякам щедро, – наставлял рабби Шимон, – и не беспокойся о себе. Не нужно ничего оставлять «на черный день». Всевышний обязательно придет на помощь в час нужды...» И прежде чем попрощаться, рабби Шимон произнес: «Но обязательно веди учет своей благотворительности. Записывай все. Должна быть учтена даже самая мелкая монета. И этот документ постоянно носи с собой. В конце года мы с тобой, с Б-жей помощью, снова встретимся...»

Прошел год. Незадолго до праздников в дом племянника рабби Шимона нагрянул отряд римских солдат. Их командир был краток: «По приказу римского императора ты арестован». Бедняга предстал перед судом. Обвинялся он в неуплате налога от своей торговли шелком. Тщетны были его попытки доказать свою невиновность. Несчастного коммерсанта поставили перед выбором: чтобы обрести свободу, он должен либо уплатить огромный штраф в размере шестисот динариев, либо одеть императора и всех его приближенных в самые дорогие шелковые одежды.

Узнав о том, что случилось, рабби Шимон поспешил в тюрьму. С большим трудом ему удалось добиться свидания.

«Ты вел учет своей благотворительности? – спросил рабби Шимон своего незадачливого родственника. – Сколько ты потратил на цдоку?» «Вот, – племянник извлек из складок одежды небольших размеров пергаментный свиток. – Почти шестьсот динариев». «Почти? – переспросил рабби Шимон и развернул свиток. – Пятьсот девяносто четыре!.. У тебя есть с собой какие-то деньги?..» Племянник опустил голову:

«Я зашил шесть динариев в одежду... «На черный день»...» «Давай их сюда, – потребовал рабби Шимон, не желая тратить время на назидания и упреки, – прямо сейчас».

Этими деньгами рабби Шимону удалось подкупить судью, обвинения были сняты и «преступник» вышел на свободу.

«В прошлый Рош-а-Шана я видел сон о том, что власти потребуют от тебя шестьсот динариев, – сказал рабби Шимон своему родственнику, – поэтому и убеждал не скупиться в цдоке и ничего не оставлять «на черный день». Только своей щедростью ты мог отменить суровый приговор». «Так почему же ты не рассказал мне все до конца? – воскликнул племянник. – Я сразу бы дал нужную сумму и избежал этих страданий!» «Нет, – покачал головой рабби Шимон. – Тогда заповедь благотворительности была бы выполнена не ради нее самой...»

(Мидраш Рабба, Ваукра, 34:12)

ВЕСЕЛЫЙ РАЗВОД

Жила одна бездетная еврейская пара. Много лет не было у них детей, и поэтому решили они разойтись, надеясь, что после того, как они обзаведутся семьями во второй раз, у них обязательно родятся дети. Согласно закону Торы, многолетняя бездетность – вполне подходящее основание для развода, и муж с женой решили представить свое дело рабби Шимону бар Йохая.

Праведник выслушал истцов, погруженный в раздумье, а затем произнес: «Как праздновали вы свою свадьбу, так отпразднуйте и свой развод – в торжестве и веселье!..» Станным показался супругам этот совет, но раз уж решили положиться на решение рабби Шимона, значит, нужно его исполнять.

Муж подготовил праздничную трапезу и, хотя настроение было далеко не праздничным, старался веселить свою жену. В самом разгаре торжества он предложил: «Прежде чем вернуться в дом своего отца, возьми с собой на память то, что для тебя всего дороже. Я ни в чем тебе не откажу».

Трапеза продолжалась допоздна. Муж, уставший и опьяневший от выпитого вина, уснул. Тогда жена позвала прислугу и велела отнести кровать с уснувшим супругом в дом своих родителей.

Пробудившись утром, муж обнаружил, что находится не у себя дома. Узнав, что произошло, он потребовал от жены объяснений: что это все означает? В конце концов, они ведь решили развестись! «Но ты ведь сам разрешил мне взять из твоего дома то, что мне всего дороже, не так ли? – ответила жена. – Что же я должна была взять? Золото, серебро, драгоценности? Я смогу прожить и без них. Но без тебя я прожить не смогу...»

Муж, потрясенный мудростью и любовью своей жены, вернул ее к себе. Через год Всевышний благословил их первым ребенком...

(Мидраш Рабба, Шир а-Ширим, 1)

¹«Шмот», 20:8

²«Дварим», 5:12

ИГРА В ПРЯТКИ

РАССКАЗЫ О РАББИ ШМУЭЛЕ, ЧЕТВЕРТОМ ЛЮБАВИЧСКОМ РЕБЕ (РЕБЕ МАХАРАШ)

ЗЕЕВ ГОЛДИН

ИГРУШКА В НАГРАДУ

Когда рабби Шмуэлю было семь лет, его однажды проэкзаменовал отец, Ребе Цемах-Цедек. Мальчик настолько хорошо прошел экзамен, что его учитель был потрясен до глубины души. Не в силах сдержаться, он воскликнул, обращаясь к Ребе: «А? Что скажете? Превосходно!» «Что удивительного в том, что Тиферес-ше-бетиферес делает все превосходно?» – ответил ему Ребе.¹

Объясняя как-то отрывок из Торы, Ребе Цемах-Цедек упомянул стих, значение которого хасиды не поняли. Вскоре после этого между ними разгорелся спор по поводу толкования стиха и его источника. Дискуссия становилась все жарче, страсти накалялись. Неподдалеку играл пятилетний Шмуэль. «Это из Мидраша», – вдруг произнес он.

Шум разом утих, и взоры всех устремились на мальчика. Хасидам было известно, что сын Ребе хорошо знает Мидраш, поскольку каждую неделю прочитывает главу Торы по книге «Цеэна у-Резна».²

«Где же это в Мидраше?» – спросил кто-то из хасидов. «А что вы мне дадите за то, что я вам скажу?» – спросил мальчик. Получив в награду игрушку, маленький Шмуэль указал им источник обсуждаемого стиха.

ИГРА В ПРЯТКИ

Рабби Шмуэль, будучи молодым, однажды отправился в Бельцы. Несмотря на юные годы, он был уже тогда известен своей исключительной набожностью и ученостью. Не желая быть узанным, будущий Ребе оделся так, как обычно одеваются странствующие торговцы.

В Бельцах рабби Шмуэль пробыл всю субботу, молясь, изучая Тору и стараясь ни с кем не вступать в разговоры. На исходе субботы он отправился в главную синагогу города, где обычно молился Бельцкий Ребе Сар-Шалом. Там должна была начаться третья субботняя трапеза. Рабби Шмуэль зашел в синагогу, стараясь не привлекать к себе внимания, и занял место в самом дальнем углу.

Вскоре толпа, заполнившая синагогу, разделилась надвое, освобождая дорогу Ребе, который медленно шел к своему столу. Престарелого и слепого рабби Сар-Шалом поддерживали под руки двое хасидов. Внезапно Ребе остановился и к удивлению хасидов... принялся. «Какой прекрасный запах!» – воскликнул он и совершенно неожиданно для собравшихся изменил направление и двинулся в другую сторону. Изумленные хасиды мгновенно образовали новый коридор и стали свидетелями необычной сцены. Ребе подошел к скромно стоявшему в углу молодому человеку, судя по одежде – странствующему торговцу, и остановился возле него. «Молодой человек, – сказал Ребе, – даже не пытайтесь скрыться от меня!», – после чего взял рабби Шмуэля под руку и повел к своему столу.

Кто-то из хасидов, решив, что из-за слепоты и преклонного возраста рабби Сар-Шалом просто ошибся и оказал почести не тому, кому нужно, не замедлил высказать свое предположение Ребе: «Но это же всего-навсего сойхер (торговец)!»

Услышав это, праведник кивнул в знак согласия. «Ты прав! – воскликнул он. – Этот молодой человек действительно сойхер! И он – великий сойхер! Ведь Тора – это самый лучший товар!..»

ОТ СТУПЕНИ К СТУПЕНИ

Юный хасид, едва женившись, столкнулся с грубой реальностью земного мира: чтобы поддерживать семью, нужно было работать. Обеспокоенный тем, что не справится с этой задачей, молодежен пришел к рабби Шмуэлю за советом.

Дело было под ночь. Ребе подвел молодого человека к окну, открыл его и произнес, указывая на небо: «Ви-дишь? Ночь получает свою силу от дня, луна получает свой свет от солнца, сфера Малхус берет энергию от Малого Лика...³ И так далее – от одной ступени к другой».

«До самой старости у тебя не будет трудностей с заработком, – сказал Ребе и добавил: – Ты будешь богатым!»

Хасид покинул кабинет Ребе, воодушевленный и окрыленный надеждой. Вскоре благословение стало исполняться. Молодой человек, занимая должность раввина и будучи совершенно далеким от коммерции, разбогател неожиданно быстро, до самой старости жил в достатке и щедро помогал другим.

С ЛЮБОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Одному из хасидов рабби Шмуэля, человеку богатому, предложили выгодное дело, которое требовало крупного капиталовложения, но гарантировало еще большую прибыль. Коммерсант отправился к Ребе за советом. «Мне эта сделка не кажется такой уж выгодной», - ответил ему Ребе.

Вернувшись домой, хасид рассказал об ответе Ребе своим деловым партнерам. Те выслушали и предположили, что он, скорее всего, неверно объяснил Ребе условия предстоящей сделки. Хасид снова отправился к рабби Шмуэлю и рассказал обо всем более подробно. Ребе не изменил своего мнения и повторил слово в слово то, что сказал в первый раз.

«Ты, наверное, что-то упускаешь, - ответили хасиду его друзья, когда он вернулся домой, - и посвящаешь Ребе не во все детали». Пришлось ему отправиться в Любавичи третий раз. Снова он пришел к Ребе, снова рассказал о намеряющемся деле - на это раз стараясь не упустить ни одной подробности - и услышал в ответ: «Мне эта сделка не кажется такой уж выгодной».

Увы, не под силу оказалось хасиду отказаться от выгодного предложения. Друзья продолжали настаивать, и он уступил. Результат не заставил себя долго ждать: дело провалилось, а деньги были безвозвратно потеряны.

Вновь приехав в Любавичи, хасид предстал перед Ребе с повинной. «Есть три вида хасидов, - сказал ему Ребе. - Одни говорят: «Ребе - это Ребе! Б-жественное Присутствие покоится на нем, Его устами говорит Сам Всевышний, и потому все слова Ребе - абсолютная истина».

Вторые говорят: «Ребе полностью посвящен Торе. Его разум - это разум Торы. А значит, в словах его заключена великая мудрость».

Третьи рассуждают более практично: «Если к Ребе приходят за самыми разными советами самые разные люди, то у Ребе наверняка имеется большой жизненный опыт, и он наверняка знает, что ответить каждому».

«Что я хочу тебе этим сказать? - продолжил Ребе. - Неважно, к какой из этих трех категорий ты принадлежишь. Главное - слушать и следовать совету».

ПОСРЕДНИК

Искушение - вещь тяжелая, и не каждому под силу устоять перед ним. Один еврей не смог преодолеть соблазна и в результате вынужден был мучиться угрызениями совести. Взвесив все «за» и «против», он решил, что искупить свою вину сам не сможет, и отправился за покаянием в Любавичи, к рабби Шмуэлю. Стыд за совершенный грех был, однако, настолько велик, что он не мог даже представить, как расскажет обо всем Ребе. Размышляя над своей нелегкой ситуацией, еврей, наконец, нашел, как ему показалось, выход из положения...

Войдя в кабинет к Ребе, раскаявшийся «грешник», опустив очи долу, еле слышно произнес: «Мой друг прислал меня к Ребе за прощением. Он совершил ужасный грех и побоялся приехать сам...»

«Побоялся?! - переспросил рабби Шмуэль. - Но ведь он мог прекрасно обойтись без посредника! Как бы ему ни было совестно, он мог приехать сам и сказать мне, что просит за своего друга!..»

ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В начале Нисана 5640 года (март 1880 г.) рабби Шмуэлю стало известно, что один из высокопоставленных российских министров готовит к утверждению новый указ, направленный против евреев-коммерсантов, а также - дополнительные ограничения относительно евреев, проживающих в черте оседлости.

Ребе лично выехал в Петербург. Ему почти удалось сделать так, что Сенат отложил слушание дела. Такая ситуация помогла бы выиграть время. Но в последний момент этому воспротивился один из членов Сената, близкий друг министра-антисемита. Вопрос завис в воздухе.

Ребе вернулся в Любавичи, но не оставил попыток добиться отмены указа. Он разослал письма во всевозможные департаменты, а так же отправил в Петербург несколько своих хасидов, которые могли бы оказать влияние на членов Сената.

Во вторник, 2 Ияра, Ребе позвал своего сына, рабби Шолем-Довбера, и сказал: «С тех пор, как я вернулся из Петербурга, я непрерывно читаю псалмы Давида. Начал я это, находясь еще там. Сегодня, когда я дошел до слов «ибо Он избавит меня от всех бед, на врагов моих смотрел глаз мой»⁴, мне принесли телеграмму. В ней сообщалось, что член Сената - наш противник - скоропостижно скончался от сердечного приступа. Да будет так со всеми врагами Израиля!.. - Ребе на короткое время умолк, а потом добавил: - И все же я завершил чтение псалмов».

Этот день, 2 Ияра, был днем рождения рабби Шмуэля.

¹ Существуют семь Б-жественных атрибутов (Мидос), первые (и главные) три из которых - Хесед ("доброта"), Гвура ("строгость") и Тиферес ("великолепие"). Каждый из атрибутов содержит в себе элементы всех остальных (Хесед-ше-бехесед, Гвура-ше-бехесед и т.д.); всего 49 комбинаций. Их мы перечисляем и упоминаем каждый день на протяжении семи недель отсчета омер. Ребе Махараш родился 2 Ияра, день, соответствующий атрибуту Тиферес-шебе-тиферес, «день двойного великолепия». Это - необыкновенно высокий духовный уровень.

² Пересказ Пятикнижия и сюжетов Танаха на идиш, главным образом, для женщин; перевел и составил в 5382 (1622) г. рабби Яков бен Ицхак Ашкенази из Янова.

³ Малхус ("властвование") - десятый, воспринимающий атрибут Б-жественности, который сравнивают с луной, не имеющей собственного света и отражающей свет солнца. Малый Лик представляет предыдущие шесть атрибутов: Хесед, Гвура и т.д.

⁴ Теилим, 54:9

ПОЧЕМУ В МИЛАНЕ НЕ БЫЛО ДОЖДЕЙ

Р. ИШАЙЯ КОЭН

«Новая миква, которую мы решили построить в Алма-Ате, должны были прежде всего соответствовать тем высоким стандартам, которые приняты в ХАБАДе. Это нелегкая задача. Тем не менее, строительство было закончено довольно быстро. Остался последний штрих – дождь, который наполнил специальный резервуар. Погода – вне компетенции человека, и мы стали ждать. Свыше, однако, почему-то не торопились. Все лето стойко держалась засуха. Наступила осень, затем зима. Дождя все не было.

«Случайностей в мире не бывает», - подумал я и решил обратиться за советом к письмам Ребе. Ответ на свой вопрос я получил неожиданно быстро. В седьмом томе я обнаружил ряд писем пятидесятилетней давности, адресованных в Милан – раввину Мордехая Перлову.

...В конце лета 1952 года, во время своего пребывания в Милане, р. Перлов решил построить в городе новую микву. Он написал о своем решении Ребе и получил следующий ответ: «Я приветствую Вашу идею о строительстве миквы и, полагаю, что нет причин откладывать дело в долгий ящик». Затем Ребе перечислил ряд требований, которым должен отвечать новый проект и которым обычно в ХАБАДе следуют до мелочей, и завершил письмо пожеланиями успеха.

Строительство завершили через несколько месяцев. Дело оставалось за дождем, который должен был наполнить резервуар. Надеялись, что с этим проблем как раз не будет. Стояла середина зимы – сезон дождей в Милане. Но, как ни странно, их почему-то не было.

Прошло еще несколько месяцев. Рав Перлов, полный решимости поскорее открыть микву, стал подумывать о других способах наполнения ее водой. В Адаре он отправил Ребе письмо, где излагал идею об использовании искусственного льда. «Вопрос, который Вы подняли, обсуждается многими авторитетами еврейского Закона, - ответил Ребе, - но мне трудно однозначно на него ответить. Тем более, что речь идет о микве, которая должна соответствовать самым высоким стандартам... Милость Всевышнего безгранична, и Он обязательно пошлет дождь». В конце письма р. Перлова ждал сюрприз. «Как мне кажется, - писал Ребе, - при строительстве что-то было упущено. Вполне вероятно, что это задерживает дождь. Думаю, что стоит еще раз все тщательно проверить».

Прошло почти три месяца с момента получения этого письма, и в Сиване р. Перлов написал Ребе, что с миквой все в порядке и резервуар, наконец-то, наполнился. «Я был рад узнать, что с миквой все в порядке, - отвечал Ребе. - Но меня очень удивило, что Вы не сообщили, дождевой ли водой наполнен резервуар. Вы знакомы с моим мнением по этому вопросу и, я надеюсь, сообщите мне об этом в Вашем ответном письме».

Письмо, венчающее эту годовую переписку, датировано 23-м Ава. «Ваше письмо успокоило меня, - писал Ребе, - я был рад узнать, что резервуар на 900 литров наполнен настоящей дождевой водой, и что миква действует...».

...Внимательно прочитав письма и убедившись в том, что ситуация удивительно точно напоминает мою собственную, я решил проверить, все ли в порядке с миквой. Связавшись с одним из авторитетных раввинов, специалистом в вопросах строительства микв, я описал структуру своей миквы и спросил, нужно ли что-то исправить. Как оказалось, несколько деталей я не учел. Мы быстро исправили недоделки. Следующей ночью пошел дождь. И, наполнив нижний резервуар до половины, прекратился.

Прошло несколько дней. Дождя больше не было. Поразмыслив, я пришел к выводу, что, видимо, не все исправлено как следует. И вспомнил, что не присутствовал при прокладке трубы, по которой дождевая вода поступает в резервуар. Проверив работу, я обнаружил, что рабочие проявили собственную инициативу. Трубу пришлось прокладывать заново, и на этот раз я следил за этим от начала до конца. После того, как все было закончено, я опустошил заполненный наполовину резервуар и стал ждать дождя.

Дождь пошел через несколько часов. И, наполнив нижний резервуар до половины, прекратился.

Намек Свыше был более чем красноречив. Я подверг здание миквы самой строгой инспекции. Дойдя до желоба, который несет воду из крана к верхнему резервуару, я вспомнил, что при его прокладке тоже не присутствовал, опять же понадеявшись на рабочих. Желоб быстро переделали, я снова опустошил резервуар и стал ждать дождя. Он пошел на следующий день, и лил до тех пор, пока нижний резервуар, наконец-то, не наполнился...»

ЧЕЛОВЕК из АУШВИЦА

ЦИППОРА ЛЕРМАН

Далеко за полночь мы стояли на Седьмой Авеню и ловили такси. Вокруг нас кипел, бурлил ярко освещенный Манхеттен.

Мы – это две мои подруги и я. Только что закончился благотворительный вечер, устроенный одной солидной еврейской организацией, и мы возвращались домой, в Кроун-Хайтс.

Несколько такси, забитые пассажирами, уже пронесли мимо нас – ночью в Манхеттене таксисты обычно не сидят без дела. Наконец возле нас притормозил желтый «Форд» со светящейся рекламой сигарет на крыше. Плавно опустилось боковое стекло: «Куда едем?» Мы уселись, и машина тронулась с места.

«Вы – еврейки, верно?» – спросил водитель, нещадно корежа английский своим тяжелым акцентом. Вести беседу с незнакомцем не очень хотелось. Я кивнула и машинально бросила взгляд на его карточку. «Вильям Гутман», было написано там. «Гутман, – подумала я, – и акцент... Русский, наверное, или израильтянин...» – и спросила вслух: «А вы – еврей?» Он, заметив, куда я смотрю, улыбнулся: «По-вашему, с фамилией Гутман я могу быть индусом или итальянцем?» Его прямога слегка смутила меня. «Откуда вы?» – спросила я, предполагая Россию или Марокко. «Из Аушвица», – коротко произнес он.

В салоне повисла тишина. За окнами мелькали огни. Мы выехали на мост. Под нами черной бездной раскинулся ночной Гудзон.

«...Мы жили в Будапеште. Мне было четыре года, когда за нами пришли. Родителей я не помню – они погибли в лагере. О братьях и сестрах ничего не знаю – может быть, есть, а может быть – и нет. Как я выжил тогда – понятия не имею. Видно, Б-г хранил меня. Когда кончилась война, домом мне стал сиротский приют. В Америке оказался благодаря «Красному Кресту». Один – ни близких, ни друзей. Жизнь свою строил сам. Чтобы выжить, работал где угодно и кем угодно. А когда сел за руль, понял: это – мое. Так я стал таксистом. Потом женился на израильтянке...» Он умолк, осторожно обогнал громыхающий пустой трейлер и уверенно утвердился на свободной полосе. «...Мы – евреи, и этого не скрываем. Хотя не сказал бы, что соблюдающие. Видите, – он похлопал ладонью по голове, – на мне даже кипы нет. Но я верю в Б-га – и никто меня не убедит, что Его нет!..» «У вас есть дети?» – спросила я. «Сын, – лицо его расплылось в улыбке, – учится на врача. Через два месяца заканчивает. Я ведь и работаю, как каторжный, чтобы только он мог учиться». «Похоже, вам это не слишком в тягость». «Я хочу, чтоб он стал человеком. И добьюсь своего, чего бы мне это ни стоило. Б-г помогает нам, я это вижу».

Некоторое время мы продолжали ехать молча. Трудно было поверить: светский еврей, который к тому же прошел лагерь смерти, оставив там родителей, доволен своей судьбой и верит в Б-га! «А вы – не иначе как из ХАБАДа?» – вдруг спросил он меня. Я кивнула и подумала: «Сейчас он упомянет Ребе». «Я хорошо знаю ХАБАД. Я видел вашего Ребе. У меня даже есть доллар от него. Скажу честно, лучше вашего Ребе нет никого во всем мире. Когда я был у него, он дал мне доллар и сказал, что нужно верить в Б-га, Он обязательно пошлет удачу мне и моему сыну, и благословил меня. И теперь я вижу, как исполняется его благословение. С этим долларом я не расстанусь никогда, даже если это будет мой последний доллар...»

Небоскребы Манхеттена уже давно сменились одноэтажными многоэтажками Бруклина. Замелькали знакомые названия улиц. Мы подъезжали к Кроун-Хайтсу.

«Кстати, ваш Ребе – из Венгрии, – сказал водитель, мельком глянув в мою сторону. – Вы знали об этом?»

Я хотела уже возразить, но в последний момент передумала. В конце концов, кому сейчас нужна моя осведомленность? Для венгерского еврея Ребе – из Венгрии. Для бразильского – из Бразилии. Для французского – из Франции. Ребе – всегда с тем евреем, в глаза которого он смотрит.

«...Я – нерелигиозный, и жена моя, и сын, – продолжал водитель, – но когда Ребе слег с сердцем, моя Рути каждый день звонила и справлялась о его здоровье...»

Мы подъехали к «Севен Севенти», расплатились, не жалея «чаевых», и пожелали водителю удачи. «Слава Б-гу, с этим проблем нет, – засмеялся он. – Доллар вашего Ребе приносит мне ее постоянно». Желтый «Форд» рванул с места и вскоре исчез из виду, увозя нерелигиозного еврея из Аушвица с удивительной судьбой и твердой верой в Б-га...

КАК НАЧИНАЛАСЬ АСКАЛА

ИЗ ОЧЕРКОВ ПРЕДЫДУЩЕГО ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ ЙОСЕФА-ИЦХАКА ШНЕЕРСОНА

-1-

...В давние времена, еще до того, как был учрежден «Совет четырех земель»,¹ во главе еврейских общин в каждом поколении стояли раввины, мудрецы Торы, богобоязненные люди. Им принадлежало исключительное право управлять всеми аспектами общественной жизни. Вместе с общинными комитетами они представляли еврейский народ перед правительством по всем вопросам – религиозным, моральным и экономическим. Так было до учреждения «Совета четырех земель», так было и после его создания.

В 5524 (1764) г. Совет был, к сожалению, распущен, и большинство ученых и благочестивых мудрецов Торы открыто выступили против учения рабби Исроэля Баал-Шем-Това, а затем и против его духовного наследника, Межерического Магида. В еврейском народе возник раскол.

В то же самое время начала распространяться болезнь берлинской Аскалы. Цели и задачи этого движения были предельно ясны: подвинуть молодежь на изучение светских наук, подорвать авторитет раввинов и глав общин, пошатнуть устои религии и, в конечном итоге, уподобить евреев всем остальным народам. Новое движение, распространилось довольно быстро, и очень скоро в обществе начала превалировать идея освобождения от «раввинского ига». «Зараженные» Аскалой стали соблюдать заповеди с прохладцей и высмеивать еврейские обычаи. Хотя, объективности ради, нельзя не отметить, что пионеры Аскалы – Моисей Мендельсон и Нафтали-Герц Вейзел (Вессели) – были в какой-то степени богобоязненными евреями.

-2-

Роспуск «Совета четырех земель» беспокоил и огорчил мудрецов Торы. Основной причиной беспокойства было падение морального уровня среди еврейского народа. Слишком малым оказалось число лидеров, которые смотрели бы за своей паствой, как это было в дни Совета. Тогда ведущие мудрецы Торы решили передать руководство еврейскими общинами нескольким избранныкам, каждый из которых был величайшим ученым Торы. В Вильне это бремя легло на плечи рабби Элиягу, Виленского Гаона. И хотя он никогда не стремился к лидерству и даже не имел желания быть раввином, он все же вынужден был уступить давлению большинства. Рабби Элиягу принял на себя руководство общиной и стал главой раввинского суда, так что самые важные решения принимались через него.

В то время Гаону исполнился всего сорок один год. Всё, что его интересовало – это изучать Тору и добиваться совершенства в благочестии и богобоязненности.

Рабби Элиягу обладал глубокими и обширными познаниями в Пятикнижии, Мишне, Вавилонском и Иерусалимском Талмудах, Мидраше, Зоаре и всех книгах по Каббале, еврейской философии и этике. Помимо этого, он испытывал страсть к наукам и утверждал, что источник всех естественных наук и философии можно найти в скрытых аспектах Торы. Более того, Гаон говорил, что изучение наук необходимо для правильного изучения Торы, так как все науки на самом деле – отрасли Торы. Он часто повторял: «Все науки необходимы для изучения нашей святой Торы, они – ее неотъемлемая часть. Недостаток знаний в естественных науках означает девятикратный недостаток знаний Торы, ибо наука и Тора связаны между собой».

Как лидер, рабби Элиягу стремился возвеличить еврейский народ и его мудрость. Он жаждал поднять уровень учености среди евреев – и не только в изучении Торы. Сам он изучал математику, медицину, увлекался музыкой. По его инициативе на иврит были переведены некоторые светские ученые труды. Гаон хотел доказать остальному миру, что и у евреев есть своя наука. А отсутствие научных знаний он считал осквернением имени Всевышнего.

От автора: В своем служении обществу Ребе ХАБАДа следовали принципам, которые основоположник ХАБАДа, рабби Шнеур-Залман из Ляд (Алтер Ребе) закладывал в течение многих лет. Служение это охватило несколько периодов истории, отмеченных столкновениями и борьбой: как внутренней - с противниками учения хасидизма (миснагдим), так и внешней - с так называемыми просвещенцами (маскилим).

Я считаю уместным, с Б-жей помощью, составить очерк о событиях тех дней, включая общий обзор того, как соблюдали тогда законы Торы и каким было духовное состояние народа. Затем я собираюсь составить краткие жизнеописательные очерки о тех, кто стоял во главе ХАБАДа.

В силу великой богобоязненности и нравственной чистоты рабби Элиягу мерил богобоязненность других людей своей меркой, полагая, что интеллектуальные запросы каждого порождаются лишь страхом перед Всевышним. Таким образом, Гаон не заметил опасности, таящейся в изучении светских наук, и перед виленскими мудрецами Торы открылись ворота Аскалы...

- 3 -

В 5534-37 (1774-77) г. г., еще при жизни Гаона, развернулись события, в которые оказались вовлечены его брат, рабби Иссахар, и его сын, рабби Авраам. Оба они, помимо того, что считались мудрецами Торы, обладали еще широкими знаниями в различных областях науки. Каждый из них свободно говорил на польском, немецком и французском языках.

В течение многих лет Гаон сетовал на то, что Пятикнижие не переведено на идиш с доступным для понимания комментарием. Вскоре стало известно, что в Берлине проживает выдающийся знаток Торы, скрупулезный в своем исполнении заповедей. Расхваливали также его перевод Пятикнижия на великолепный немецкий. Речь шла, конечно же, о Моисее Мендельсоне.

Рабби Иссахар и рабби Авраам выбрали пять лучших учеников и отправили их в Берлин, наказав удостовериться в истинном уровне знаний этого человека и привезти экземпляр его книги. (Одним из посланников был рабби Моше Мейзельс, который позднее стал ближайшим хасидом Алтер Ребе.)

Ученики, прибыв в Берлин, находились там больше года. Им удалось переписать множество страниц перевода Торы, и они привезли их своим поручителям. Рабби Иссахар и рабби Авраам одобрили этот труд и высоко оценили его перед Гаоном. После этого перевод был передан его ученикам, которые размножили листы и раздали другим ученым евреям. Перевод этот стал весьма популярен, и по его изучению были даже организованы общественные уроки с простым людом.

Распространение перевода Мендельсона среди ученых Торы привело к принижению святости и славы Торы. Изучение Пятикнижия теперь ни чем не отличалось от художественного анализа литературного произведения. Более того, у десятков наиболее способных и выдающихся мудрецов Торы из домов учения Вильны, Шклова, Слуцка, Бриска (Брест) и Минска появился стимул для того, чтобы отправиться в Берлин — изучать немецкий язык и другие науки.

- 4 -

Среди отправившихся за знаниями в Германию был известный знаток грамматики рабби Шломо из Дубны, ученик известного чудотворца, цадика рабби Нафтали, главного раввина Дубны, ученика самого Баал-Шем-Това. Узнав о пребывании в Берлине рабби Шломо и будучи наслышанным о его эрудиции в области языка, Моисей Мендельсон решил нанять его учителем грамматики для своего сына. И заодно поручил ему составление комментария к своему переводу Пятикнижия. За это Мендельсон обязался платить рабби Шломо щедрое жалованье — с проживанием в собственном доме, на всем готовом.

Рабби Шломо оставался в доме Мендельсона в течение года и за это время завершил свой комментарий к переводу. Труд этот получил полное одобрение самого переводчика, но остался в частной собственности рабби Шломо. Так между ними было обговорено изначально.

Спустя несколько дней рабби Шломо покинул Берлин и отправился в Вильно. Зная о пристрастии Гаона к изучению грамматики, рабби Шломо надеялся, что его комментарий к Торе получит самые высокие оценки. Что и произошло. Труд рабби Шломо оценили по достоинству и сам Гаон, и его соратники: рабби Хаим Воложинер, его брат рабби Земеле и один из ближайших учеников, рабби Залман.

В своем письме, одобряющем издание, рабби Залман призывал читателей «поддержать мудреца из Дубны материально, чтобы дать ему возможность создать аналогичные работы по книгам Пророков и Писаний».

Ко всем этим событиям стоит добавить еще одну, любопытную деталь. Виленский магид (проповедник) рабби Йехезкель-Фейвл, правая рука Гаона, почитаемый мудрецами поколения за свое благочестие, часто упрекал знатоков Торы в том, что они слишком мало времени посвящают изучению Пятикнижия. Он требовал, чтобы были установлены периоды времени для изучения Писания с комментариями, объясняющими буквальный смысл священного текста. При этом он подчеркивал, что следует всячески избегать толкований, основанных на воображении приверженцев Каббалы.

Молодежь, воодушевленная происходящими событиями, стала посвящать свои силы и время изучению святого языка. Рабби Иссахар, брат Гаона, организовал комитеты лингвистов, которые по субботам давали для молодежи лекции. Молодые люди обучались языку с величайшим усердием и успехом.

Однажды Вильно посетил знаменитый знаток грамматики, который провел одну из таких лекций. Он выразил свою горячую любовь к Писанию и призвал своих слушателей проводить время за изучением библейского языка. Примерно в то же время было учреждено молодежное общество «Энтузиасты святого языка». Члены общества пытались составлять собственные поэмы, эссе и даже романы.

Так, медленно, но уверенно «берлинская зараза» — Аскала — начала прокладывать себе путь в Литву...

¹ В Польше, которая была тогда могущественной державой, существовал верховный совет еврейских общин, в который входили выдающиеся раввины и крупнейшие еврейские общественные деятели и который признавался польским королевским правительством. Этот совет управлял всеми еврейскими общинами и принимал касающиеся их законы и постановления — как религиозного, так и светского характера. Он назывался «Советом четырех земель», поскольку территория польского государства состояла тогда из четырех частей: Великой Польши, Малой Польши, Украины и Белоруссии. Этот совет существовал в течение двухсот лет и собирался регулярно в ходе больших торговых ярмарок в Люблине и Ярославле.

ОТКРЫТИЕ ИСТИНЫ ИЛИ ГОЛЕМАТЪЯ?

УЧЕНЫЕ СПОРЯТ

Д-р ШЛОМО РОЗЕНБЕРГ

В свое время широкую известность получили результаты работ ученых-математиков, выбравших довольно неожиданный объект для своих исследований: текст Священного Писания (Пятикнижие). Многим эти результаты показались настолько поразительными, что они всей душой уверовали в истинность Торы и обратили свои сердца и мысли к Всевышнему. Менее известен, однако, тот факт, что отношение к такого рода изысканиям, как в раввинской среде, так и в среде религиозных ученых, далеко не однозначно. В свое время на страницах научно-популярного журнала «Беор а-Тора» («В свете Торы», изд-во «Шамир», Иерусалим) вокруг этой темы развернулась ожесточенная полемика, с фрагментами которой мы хотим познакомить наших читателей.

ИДЕЯ, лежащая в основе методики исследований текста Пятикнижия, необычайно проста и может быть легко объяснена любому человеку, даже весьма далекому от науки. Она состоит в прочтении текста Торы «скачкообразно», через определенные интервалы. Для этого берут какое-нибудь число, например, 50, и, пропуская каждый раз 49 букв, начинают читать текст Пятикнижия (разумеется, в подлиннике). Проще говоря, читая 50-ю, 100-ю, 150-ю буквы и т.д.

Допустим, мы начали читать текст, начиная, с первой буквы *Тав* в Пятикнижии, то есть последней буквы в его первом слове – *Брейшит* («В начале...»). Пропустим 49 букв и прочтем пятидесятую: ею окажется буква *Вав* в слове *Том* («бездна»). Повторим это снова и получим букву *Рейш* в слове *Вайера* («и увидел»). Прделаем это еще раз и найдем букву *Хэй* в слове *Элоким* (одно из Имен Б-га). Теперь прочитаем слово, образованное найденными буквами: *Тав - Вав - Рейш - Хэй* - ТОРА! Открытие это приобретает еще более любопытный ракурс, если учесть символику числа 50 в самой Торе (*Йовель* - 50-й год, дарование Торы – 50-й после Исхода день, 50 Врат Мудрости в учении Каббалы).

Но это еще не всё.

В других книгах Священного Писания – например, книге «Шмот», - мы снова читаем слово ТОРА через тот же пятидесятибуквенный интервал, и тоже – начиная с первой буквы *Тав*. В книге «Ваикра» нам, правда, это слово, какими бы мы ни пользовались интервалами, найти не удастся, зато в следующей - «Бемидбар» - мы читаем то же слово через тот же интервал, но в обратном порядке (*Хэй - Рейш - Вав - Тав*), начиная с первой буквы *Хэй* в этой книге. Наконец, в последней книге Пятикнижия, «Дварим», мы снова можем прочитать слово ТОРА в обратном порядке, но на этот раз начиная с пятого стиха и отсчитывая интервал не из 50, а из 49 букв (то есть каждый раз пропуская 48 букв). «Почему такая разница?» - спросит дотошный читатель. Один из величайших мудрецов Торы, Виленский Гаон, говорит, что книга «Дварим» по-настоящему начинается лишь с пятого стиха: «По ту сторону Иордана, в стране Моав, начал Моше объяснять учение это, говоря...», в то время как первые четыре являются в своей последовательности квинтэссенцией первых четырех книг Пятикнижия. Кроме того, из Каббалы известно, что нашему учителю Моше были открыты Творцом 49 из 50-ти врат Мудрости. Поскольку все последующее изложение в книге «Дварим» ведется самим Моше, слово ТОРА читается через интервал именно в 49, а не в пятьдесят букв.

Возникает естественный вопрос: а не является ли все это простой случайностью? Вычисления, однако, показывают, что вероятность такого совпадения составляет менее одной трехмиллионной! А ведь это лишь один из многих примеров закодированных в Торе сообщений.

Основоположителем так называемого «метода кодов» можно назвать раввина Михаэля-Дова Вейсманделя, деятельность которого пришлась на середину про-

шлого века. Часть его исследований была собрана и опубликована его учениками. Раввин Вейсмандель, разумеется, был лишен возможности пользоваться вычислительной техникой, которой в те годы еще не существовало. Однако у него была феноменальная память, и текст Торы был заложен в нее, как в ЭВМ. После смерти раввина Вейсманделя работа по раскрытию кодов была продолжена его последователями.

Переломный момент в истории исследований произошел в 1982 году, когда на помощь религиозным ученым пришло чудо двадцатого века – компьютер!.. С этого момента исследования возглавил уроженец Риги доктор Элиягу Рипс из Еврейского университета в Иерусалиме. Вскоре к нему присоединился математик Даниэль Михельсон.

Некоторые из их открытий весьма эффектны. Так, в Торе («Брейшит», 41:44) рассказывается о том, как Йосеф, став вторым после фараона человеком в государстве, фактически превратился в правителя Египта: «И сказал фараон Йосефу: «Я - фараон. Но без тебя никто не поднимет ни руку свою, ни ногу свою во всей стране египетской». Именно в этом месте (то есть, начиная с одной из букв этого стиха) Рипс обнаружил, хотя и с довольно большим интервалом - в несколько сотен букв! - закодированное слово СТАЛИН, которого тоже звали Йосиф, и без повеления которого тоже никто не мог двинуть ни рукой, ни ногой!

Таких примеров приводится множество. При этом подсчитывается вероятность появления аналогичного сочетания, которая часто оказывается совершенно ничтожной.

У медали, однако, как известно, две стороны. Не все разделяют восторженность поклонников д-ра Рипса и его коллег. Один из «оппозиционеров» – профессор австралийского университета Нового Южного Уэльса Авраам Хасофер. Объективности ради стоит отметить, что профессор Хасофер – верующий человек, и его не нужно убеждать в истинности Священного Писания (*журнал уже писал об этом ученом, см. «Свет Мошиаха» № 3, с. 10 – прим. редактора*). Кроме того, он является специалистом именно в области теории вероятностей и математической

статистики, в то время как область специализации д-ра Рипса – алгебра, а д-ра Михельсона – уравнения в частных производных типа Курамото-Сивашинского. Вот, что пишет профессор Хасофер («Беор а-Тора», №8, 1993), дискутируя со своими коллегами:

«Начнем с простого, но занимательного примера из книги М. Гарднера «The Numerology of Dr. Matrix». Как доказать, что Шекспир тайно принимал участие в переводе Библии, сделанном под покровительством короля Джеймса? А очень просто! Возьмем псалом 46 в этом переводе и, пропустив вступительные слова («Руководителю музыкантов»), отсчитаем 46 слов. Мы получим слово «shake» («потрясать»). Теперь снова отсчитаем 46 слов, на этот раз от конца к началу, пропуская заключительное древнееврейское слово «сэла» («вовек»), и прочтем слово «sreag» - «копье». Налицо – фамилия Шекспир!.. Почему же именно 46? А потому, что при завершении перевода Библии, в 1610 году, поэту исполнилось ровно 46 лет! Вероятность такого совпадения ничтожно мала: она составляет менее 10 в минус шестнадцатой степени! Хотя доподлинно известно, что в работе над переводом Библии Шекспир участия не принимал».

Далее профессор Хасофер приводит примеры закодированных сообщений в самых различных текстах, таких, как «Генрих IV» того же Шекспира или «Божественная комедия» Данте. Он также указывает на интересный факт: совсем недавно специалисты по теории вероятностей отметили необъяснимое поведение больших массивов случайных данных: совершенно неожиданно в них проявляется определенная закономерность! Это означает, что наука, видимо, еще не разобралась в том, что такое случайность, и обнаружение кодов в каком-нибудь тексте отнюдь еще не свидетельствует о его сверхъестественном происхождении.

«Я хочу задать такой вопрос, - пишет профессор. - Если бы результаты статистических исследований противоречили тезису о Б-жественном происхождении Торы, согласился бы с ними д-р Михельсон? Можно поставить этот же вопрос иначе. Допустим, что лет через пять выяснится, что все результаты, полученные компьютером, оказались ошибочными в силу повторяющейся ошибки в программном обеспечении. Должно ли это открытие заставить людей, вернувшихся к Торе под влиянием ранее опубликованных результатов, отказаться, не дай Б-г, от выбранного ими пути?! А что, если компьютер откроет какое-нибудь тайное учение, несовместимое с вечными истинами Торы?!»

«В книге «Дварим», - продолжает профессор Хасофер, - сказано: «Не испытывайте Б-га, Всесильного вашего» (6:16). Есть толкования данного стиха, объясняющие эту заповедь как запрет испытывать пророка, требуя от него многократной демонстрации знамений или чудес. Единственный **разрешенный** путь испытать пророка - это убедиться в том, что его предсказания сбываются (см. «Дварим», 18:21-22). Поиск д-ром Михельсоном тайных кодов весьма напоминает мне охоту за знамениями в пророчестве Моше и является, таким образом, нарушением этого запрета Торы. Наша вера в истинность пророчества Моше основана вовсе не на совершенных им чудесах, ибо и лжепророки совершали нечто подобное. Мы должны сказать себе: наша вера в Б-жественное происхождение Торы не может зиждиться лишь на открытии тайных кодов, поскольку подобные коды можно найти и в других текстах, и вообще знамения имеют лишь второстепенное значение».

«Мне только что стало известно, - заключает профессор Хасофер свою статью, - что первые результаты исследований, приведенные в статье Михельсона о появлении слова ТОРА с пятидесятибуквенным интервалом в книгах «Брейшит» и «Шмот», восходят к великому Мааралу из Праги. Это наводит на мысль о пражском Големе, творении Маарала. И как тут не вспомнить торжественную церемонию в институте Вейцмана в 1965 г., посвященную запуску к работе первого компьютера, которому было присвоено имя «Голем Алеф»!.. Наложив результаты компьютерных исследований в области Торы на исторический фон (история создания настоящего Голема Мааралем в XVI веке и возникшие последствия), придем к простому выводу: использовать для работы Голема можно лишь в том случае, если мы знаем, как его остановить. Иначе результаты могут оказаться катастрофическими».

Чудесная и сложная СИСТЕМА

продолжение, начало в №№ 4-5

Поговорим сначала немного о благословениях вообще. Вы, наверное, заметили уже в тексте благословения некую стилистическую странность. Начинается оно во втором лице – «Благословен Ты», а продолжается уже в третьем – «Который и т.д.». Это верно в отношении всех благословений.

Подобная стилистическая «неувязка» объясняется следующим образом. Наш Б-г – это личностный Б-г, то есть Он как бы является Личностью. Иными словами, мы можем обращаться к Нему и разговаривать с Ним, как человек разговаривает с человеком (любопытно, конечно, что при всем нашем уважении к Нему никому не приходит в голову обращаться к Б-гу на «вы»). И когда мы обращаемся к Б-гу и говорим Ему «Ты», мы ощущаем нашу близость к Нему, ощущаем непосредственно Его Присутствие. Однако следует помнить также и о том, что Он – Властелин Мира, бесконечно могучий и величественный Король, Который создал мироздание и управляет им таким образом, что это абсолютно недоступно человеческому пониманию. Именно это и подчеркивается в благословении неожиданным переходом к третьему лицу.

А как мы должны понимать слово «Благословен»? Ведь когда благословляют другого человека, ему даруют (или желают) то, в чем он нуждается – как, например, цадик может благословить богатством, долголетием и т.д. В этом смысле мы никак не можем «благословить» Всевышнего! Ответ таков: мы имеем в виду, что Всевышний является Источником всех на свете благословений. Точно так же, называя Его Мудрым, Сильным или Добрым, мы хотим сказать, что Он является Источником мудрости, силы и доброты.

Точно так же мы называем Его Святым, желая сказать, что Он бесконечно вознесен над низменным материальным миром. И от этой Своей святости, Трансцендентности, Он уделил также и нам; поэтому мы говорим «Освятивший нас Своими заповедями».

Следующее благословение произносят после отправления естественных надобностей и омовения рук. Утром это благословение произносят даже в том случае, если нет необходимости в отправлении естественных надобностей.

Борух Ато Адэй-ной Элэй-хэйну Мэлэх Хоэйлом, Ашер Йоцар Эс Хоодом Бехохмо, Уворо Вэй Нэко-

вим Нэковим, Халулим Халулим, Голуй Вйодуа Лифнэй Хисэй Хвэйдэхо, Шеим Йисосэйм Эход Мэйхэм, Эй Им Йипосэйах Эход Мэйхэм, И Эфшар Лхискайейм Афили Шоо Эхос. Борух Ато Адэй-ной Рэйфэй Хол Босор Умафли Лаасэйс. (Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Владыка Вселенной, Который по мудрости (Своей) создал человека, сотворив его тело с (необходимыми) полостями и отверстиями. Открыто и известно (Тебе, восседающему на) славном престоле своем, что если закроется одно из (отверстий) или откроется одна из (полостей, человек) не сможет просуществовать ни часа. Благословен Ты, Г-сподь, исцеляющий все живое и творящий чудеса!)

Здесь идет речь действительно о чуде. Об одной из самых чудесных и сложных систем на свете – человеческом теле. В простом смысле мы благодарим Всевышнего за систему пищеварения и удаления отходов из организма. Однако на самом деле мы благодарим Всевышнего и за бесчисленные отверстия и полости в нашем теле, как на макро-уровне внутренних органов, так и на клеточном и молекулярном уровне, скажем, ДНК и тому подобного. Ибо, как учит современная биология, все тело человека функционирует по принципу отверстий и полостей.

Это благословение лишний раз подчеркивает, что тело человека должно всегда находиться в чистоте и святости. Ведь даже самый низменный, казалось бы, орган человеческого тела выполняет жизненную функцию, от которой зависит само наше существование.

Рабби Танхума, один из величайших мудрецов древности, стремясь возвеличить совершенство человеческого организма, приводит такой пример: если надутый воздухом мешок проколоть самой тончайшей иглой, он выпустит весь свой воздух. В человеческом же организме есть отверстия, диаметр которых во много раз превосходит диаметр острия иглы, и, тем не менее, человек не теряет дыхания жизни!

Как здесь не вспомнить изречение Первого Ребе ХАБАДа, рабби Шнеур-Залмана из Ляд: «Мы даже не можем представить себе, насколько дорого для Всевышнего тело еврея!»

Подготовил д-р Ш. РОЗЕНОЕР

во время встречи...

ОСОБЫЕ СИЛЫ ИЗРАИЛЯ

Когда Йосеф Кабилив пришел в себя, то увидел, что лежит на больничной койке. Он абсолютно не помнил, что произошло после того, как раздался взрыв. Неожиданно острая боль в ногах пронзила тело. Слегка приподняв простыню, Йосеф с ужасом обнаружил, что обе его ноги были ампутированы: правая до колена, левая – до середины бедра...

...За день до этого Йосеф, резервист ЦАХАЛа, с пятью своими товарищами патрулировал Голанские высоты. Все было спокойно, как вдруг раздался взрыв, и все окутало дымом: джип, в котором сидели солдаты, наехал на старую сирийскую наземную мину. Двое товарищей Йосефа были убиты на месте, трое тяжело ранены. Сам Йосеф выжил, но его ноги были искалечены осколками настолько, что у врачей не было другого выхода, кроме как ампутировать их.

«Я столкнулся со всеми «прелестями» новой жизни, - рассказывает Йосеф. - Как-то меня пришли навестить мои друзья. Они пытались развеселить меня, но их улыбки, как и шутки, были натянутыми. Они ушли, ни разу не посмотрев мне в глаза. Когда ко мне пришла мать и начала плакать, я, сам остро нуждающийся в утешении, должен был успокаивать ее. Когда пришел отец, он присел на мою кровать и все то время, которое был здесь, молчал. Я не знаю, что тогда было хуже для меня – слезы матери или молчание отца.

О том, чтобы вернуться к прежней профессии сварщика, не могло быть и речи. Люди готовы были помочь мне деньгами, но никто не мог предложить работу для безногого инвалида. Когда я ехал на своей инвалидной коляске, прохожие расступались в стороны, чтобы освободить мне проезд. Я долго не мог к этому привыкнуть».

Встретившись с товарищами по несчастью, такими же инвалидами, как и он, Йосеф узнал, что все они переживают похожее чувство: они пожертвовали своими телами ради страны, но у страны не хватает сил, чтобы обеспечить их духовной поддержкой.

«Летом 1976 года, - рассказывает Йосеф, - руководство ЦАХАЛа организовало нам поездку в США. Нас разместили в одной из самых лучших гостиниц Нью-Йорка и обеспечили самой лучшей культурной программой. Однажды к нам в гостиницу пришел молодой бородастый парень, который назвался хабданником из Краун-Хайтса, одного из районов Бруклина. Он предложил нам встретиться с Любавичским Ребе. Мы, честно говоря, не знали, как отреагировать на это приглашение. Но некоторые из нашей группы слышали о Ребе и уговорили остальных согласиться на встречу.

Хабданники организовали поездку к Ребе с четкостью и точностью военной операции. Десять больших автобусов привезли нас и наши кресла к небольшому кирпичному зданию – штаб-квартире ХАБАДА, или, как его называют, «Севен Севенти», – и вскоре мы оказались в просторном зале синагоги.

Через десять минут в синагогу вошел седобородый человек в черном сюртуке и черной шляпе. Это был Ребе. Рядом с ним шли два его секретаря. Слово по сигналу, наступила тишина. Я почувствовал непреодолимое желание встать и отдать честь. Многие из нас стояли навтыжку перед генералами и премьер-министрами, но сейчас нас охватило совершенно иное чувство, никогда не испытанное прежде. Думаю, что так себя чувствуют те, кто находится в присутствии короля.

Ребе прошел мимо, быстро и внимательно посмотрев на каждого из нас, и поднял руку в приветствии. После этого он сел и снова посмотрел на каждого из нас тем же внимательным взглядом. С того самого кошмарного дня, когда я очнулся без ног в палате медцентра «Рамбам», я встречал множество людских взглядов. В глазах людей читались боль, жалость, безразличие. И только сейчас на меня впервые смотрели с истинным сочувствием.

Ребе начал говорить на иврите. Он избрал темой беседы нашу «инвалидность» и сказал, что возражает против этого определения. «Если человек утратил какой-либо орган тела или способность, это только лишний раз подтверждает, что Б-г дал ему особые силы преодолевать препятствия, и он может достичь большего, чем любой другой человек. Ни в коем случае нельзя называть вас «инвалидами» или «неполноценными». Вы – особые люди, поскольку обладаете таким потенциалом, которого нет в нас». Ребе сделал секундную паузу и продолжил с улыбкой: «Я поэтому предлагаю, - хотя, конечно, это не мое дело, но всем известно, что евреи всегда высказывают свое мнение в тех вопросах, которые вне их компетенции, - предлагаю называть вас не хейей Исроэль («солдаты-инвалиды Израиля»), а мецуяней Исроэль («особые силы Израиля»)».

Ребе говорил еще несколько минут, и все, что он сказал, и, - пожалуй, главное, - как он это сказал, затрагивало все, что накопилось во мне с того самого дня.

Прежде чем расстаться, Ребе дал каждому из нас по долларовой банкноте и объяснил, что этим он делает нас посланниками для исполнения заповеди цдоки. Ребе шел от кресла к креслу, пожимал нам руки, вручал каждому долларовую банкноту, при этом обращаясь к каждому одной-двумя короткими фразами. Когда подошла моя очередь, и я увидел совсем рядом лицо Ребе, я почувствовал себя ребенком, возле которого стоит отец. Ребе пристально посмотрел мне в глаза, взял мою руку в свои ладони, крепко пожал ее и сказал: «Спасибо», - слегка кивнув головой.

Потом я узнал, что Ребе говорил каждому из нас что-то свое. Мне он сказал «спасибо», каким-то образом чувствуя, что именно это слово я должен был услышать. Это слово уничтожило всю горечь и все отчаянье, что скопились в моей душе. Я привез это слово обратно в Израиль и ношу его в своем сердце по сегодняшний день...

(из книги Э. Элкина «Бриллианты для Ребе»)

КЛЯТВА УЗБЕКА

ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗ ЦИКЛА «ПРОГУЛКИ СИОСИФОМ ФЛАВИЕМ»

Сказал я ему:

– «Заслуги предков», мори, это не просто расхожее выражение и не библейский пафос. Это работает, я на себе испытал. Недаром евреи так часто посещают могилы предков, где искренне просят и вопиют: «Взойдите посланцами нашими! Станьте заступниками...» И вот глядишь, решения злые вдруг отменяются – факт...

Сказал он мне:

– Предки нас наблюдают. Вне всяких сомнений – следят, на помощь готовы всегда прийти. Мертвые и живые, мы как бы одно поколение. И даже больше – словно один человек, плывущий по бурному морю вечности к неведомым берегам. Мы не должны заставлять их краснеть, своими поступками их позорить.

Сказал я ему:

– Мори, я бы и это хотел узнать: о праве высоком ступить на Святую землю, пройти по ней четыре локтя. О времени и полу-времени, о сроках каждого человека. Вы много про это писали: «Все трубы небесные в тот час о тебе вострубят...» А рабби Нахман из Брацлава добавил и подтвердил: «И в нетерпении явится ангел, поднимет тебя и погонит в спину...»

Когда в ОВИРе нам объявили, что есть разрешение, что визы наши готовы, вдруг вышел тот самый злополучный указ про выплату за дипломы. Налог на людей с высшим образованием. Тут мы с женой заметались, тут мы с Полинкой моей испытали настоящий шок.

Три диплома имелось у нас: два моих и один ее. Что в сумме тянуло тысяч на восемнадцать, – хоть стой, хоть падай. А месячная зарплата в ту пору была тугриков девяносто. Сто двадцать от силы на среднего инженера. Вы же, мори, понимаете: эти коммуняки-бандиты всеми силами евреев пытались остановить. Утечку мозгов, грядущий развал империи. Ограбить нас дочиста, на худой конец.

Словом, «восемнадцать тысяч» звучало невыносимо, пребывая для нас за гранью реальности. «Г-споди, что же нам делать? – паниковали мы. – Неужели точка, прощай Израиль? Конец...»

Мы жили в ту пору на улице Луначарского, на остановке «Дома шахтеров». В квартире крохотной и пустой. Никто из друзей не звонил нам, не навещал. Мы были как прокаженные: «предатели, сионисты...» В ту пору одно лишь слово «Израиль» повергало людей в ужас. И вдруг в нашей бедной конурке раздался звонок.

Была, мори, глубокая ночь, мы слушали с женой различные «голоса». Они как раз обсуждали тот самый налог. Гневались, возмущались: «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Кол Израэль» Я вскинулся и побежал открывать. Полинка тут же «спидолу» вырубилла.

Надо признаться, к ночным звонкам мы сделали даже привычны. Именно после полуночи. Однажды позвонила старушка из дома напротив, явившись тайком, с бесчисленными оглядками. На кухню юркнула словно мышонок. И сходу принялась умолять, чтобы мы нашли ее сестру в Кирьят-Шмоне. Родную сестру по имени Клава. После войны она выскочила замуж за польского еврея и вскоре в Израиль уехала. Это великий семейный секрет, никто о нем знать не должен. Не можем ли мы передать ее Клаве письмо и поклоны? А Бог нам за это воздаст...

Еще приходили люди, русские в основном, с письмами, странными поручениями. Вадим, например, Хохлов из «Правды Востока», известный собкор республиканской газеты. Дед, мол, его в начале века ушел паломником в Палестину. Остался, служил ключником на Русском Подворье в Иерусалиме. Купить умудрился клочок земли. Но ничего не успел построить на нем, в Россию вернулся. А купчая сохранилась, и желтую, полуистлевшую предъявил бумагу: не можем ли мы проверить – в силе ли юридической сей документ? В архивах проверить, у адвокатов – цело ли сегодня Хохловых родовое наследство? Коротко говоря, многие приходили. И мне подумалось, кинувшись на звонок, что это тоже кто-то из них.

В дверях стоял инвалид. Он выглядел, как попрошайка: на костылях, без левой ноги, в помятой грязной рубашке. В трусах ситцевых и белой каскетке с чудовищным козырьком. Был август, и духоты накопилось в воздухе, как в парной. Увидев на нем трусы, я тут же сообразил, что сам почти что голый. Бросился было обратно, но он меня за руку ухватил: не я ли тот самый Дуда Гартей, который в Израиль едет?

– А Иссэр? – добавил он. – Иссэр был вашим отцом? Его закуток лепился к магазину «Динамо». Он был ювелир с редчайшим талантом. А кроме того – часовой мастер.

– Да-да, мой покойный отец... – И тут Полинка набросила на меня халат. – Вы проходите, пожалуйста. Ведь вам тяжело стоять.

– Хапута меня зовут, – представился он. – Абба Хапута, заведующий обувным ларьком на Госпитальном рынке. Дети, мне есть до вас серьезный, большой разговор.

Квартира наша, мори, прослушивалась вдоль и поперек. Время от времени производились в ней обыски. При нас, но большей частью в наше отсутствие. Я жестами стал показывать гостю, что лучше пройти на кухню, что всюду «жучки»: в телефоне, на люстре, во всех розетках.

На кухне мы посадили Хапугу в угол.

Он принялся вытирать тряпочкой пот: с лица, затылка и шеи, жирной седой груди. Была кошелка при нем, он опустил ее на пол. К окну прислонил костыли.

Тяжко, наконец, вздохнул. Горестно, обреченно:

– Я старый больной еврей. Как видите – инвалид. В Эрец Исроэль мне никогда уже не приехать. Один лишь Б-г знает, как я завидую вам! Жену мою зовут Мурочка, она из татарок. Израиль ей нужен до одного сидячего места, простите за выражение. Ей сто процентов уютно и здесь: что ей со мной не хватает? А ногу я потерял на войне. Мурочка была медсестрой. После госпиталя мы поженились. Не буду кривить душой: она для меня всё – на том, и на этом свете! Я без нее никто, так уж судьба сложилась... Но я не с баснями к вам пришел. Я знаю, дети, что вы в беде. Не я один про это слышал: город у нас большой, и что с героями у нас происходит – евреи знают.

Полинка тем временем вскипятила воду, насыпала в чайник заварки. Расставила пиалушки, насыпала в блюдечко сушеный урюк. Жена, мори, у меня расторопная. Все трое мы закурили и принялись за зеленый чай.

– Одно я не могу понять! – со стоном произнес наш гость и снял с головы каскетку. – Почему Иссэр не дожил до этого дня? Эта святая душа, золотой человек, он больше всех был достоин. Скажу вам больше: я видел его во сне. Он меня к вам послал: «Абба, мой Дуда непременно должен уехать...» Поэтому наберитесь терпения, я все вам изложу по порядку.

Культа у Хапуги непрерывно сваливалась с табуретки, он нервничал, снова ее возвращал. Тряпочка его давно сделалась мокрой, он обтирался белой каскеткой. Несмотря на пот, лившийся градом, Хапута пил пиалушку за пиалушкой, непрерывно себе подливал. Мы тоже с Полиной были мокрые и дымились. Нетерпение наше все более распалось – Хапута содержал в себе какую-то важную тайну.

Сначала он нам поведал, как его накрыли однажды с большой партией левой обуви, – доставили целый фургон. Накрыли с поличным, прямо в ларьке. Ларек опечатали, Хапугу арестовали. Дело передали в республиканскую прокуратуру.

Следствие тянулось, как и положено, долго. Допросы вел капитан милиции по фамилии Душанов, умный симпатичный узбек, с которым сложились у Хапуги самые сердечные отношения, чуть ли не родственные. Находясь в камере, он всегда прекрасно питался, получая пищу исключительно от жены, с воли. И все это время мучительно соображал: откуда взялась вдруг такая к нему расположенность. Это что, жалость к инвалиду войны? А может, Мурочка подкупила узбека? Умница Мурочка, способная без мыла в угольное ушко пролезть... Может быть, все может быть. Дай только Бог, чтобы дело до суда не дошло, иначе червонец влепят. Это уж точно, как пить дать! И если следователь его окажется не совсем чуркой, он в знак благодарности все капитану отдаст: и дом, и машину – озолотит Душанова. Ну а потом – все по новой: раскрутится помаленьку, снова на ноги встанет. Такова уж судьба советских дельцов-евреев.

И в самом деле, какими-то ловкими ходами Душанов сумел отвести от него обвинение. Десятки лагерной Хапуге удалось избежать. Из зала суда домой отпустили: к Мурочке, к детям. Затем узнал с удивлением, что Мурочка «на лапу» Душанову не давала. А потому целехоньким и нетронутым осталось богатство – камешки и «рыжуха» в заначках. Более того, опять Хапута вернулся за тот же прилавок на Госпитальном рынке. Как в дивном сказочном сне.

Тогда он снова вышел на связь с Душановым, пригласил его на обед. Ясное дело, что не к себе домой и не в дорогой ресторан, – зачем «светиться» доброму человеку? Он встречу назначил на Тахта-пуле, в одной из частных кибиток, где варят домашний плов, шурпу и лагманы, готовится роскошный шашлык из маринованной ягнятины. А прямо из пылающих тандыров выхватывают сдобные лепешки, самсу на сочной и хрусткой корочке. Там они повстречались – за городом, в левой обжорке, и тайна чудесного изобавления Хапуге наконец раскрылась.

Душанов сказал:

– Я знаю, Абба, изводит тебя любопытство. И что на сердце твоём – знаю: ты, братец, деньги принес, хочешь со мной рассчитаться. А я их у тебя не возьму, я клятву однажды давал... Давным-давно, чуть ли не в юности. Самим Аллахом поклялся. Послушай же, Абба, эту историю, и больше никогда меня не ищи. Во всяком случае, из-за денег.

...В первый же год войны – ближе к зиме, на дом Душановых, будто кирпич на голову, свалились нужда и голод. Отец воевал на фронте, а мать схватила туберкулез: лежала в холодном доме и харкала кровью. На него же, совсем еще пацана, легла забота о младших сестрах и братьях. К счастью, им подселили еврейских беженцев из Румынии – мужа с женой и мальчика лет десяти. И очень скоро эти трое заговорили по-русски и даже по-узбекски. Дядя Иссэр и тетя Маня устроились на маслобойню, а рыженький Дудалы дни напролет играл с ребятами семейства Душановых. Зарплата на маслобойне была мизерной, хлеб и продукты выдавали по карточкам. Евреи народ смысленный и предпримчивый, вот их квартиранты и принялись промышлять для базара: по вечерам жена строчила фуфайки, а муж усердно латал калоши. Во время войны это были предметы первой необходимости. И очень скоро их беженцы совсем неплохо зажили. Сами кормились и многодетную семью Душановых, словно родных, опекали. Более того, отцу их на фронт раз в месяц посылки справляли. Что говорить, если бы не дядя Иссэр и тетя Маня, их мать ни за что бы не выжила. К лучшим специалистам ее возили, импортные лекарства неизвестно как доставали...

Шло время, и смысленный мальчишка Душанов освоил нехитрое ремесло – чинить калоши. Квартирант передал ему свой верстак, связи и клиентуру, место свое на базаре. Признался, что был ювелиром в Румынии. Кроме того, умеет чинить часы. Все эти годы мечтал мастерскую открыть. А потому – искал необходимый инструмент, помаленьку деньги копил...

К концу войны, когда квартиранты съезжали, Душанов был уже взрослый парень.

«Дядя Иссэр, – сказал он ему, – вы нашу семью спасли – детей и маму. Вы дали мне в руки верное ремесло, я стал сам зарабатывать деньги. Благодаря вам я не сделался попрошайкой, воришкой, не оскорбил тем самым нашу веру. Чем я могу отблагодарить вас?»

И квартирант взял с него странное обещание:

«Мальчик мой, как видишь, – война кончается, скоро вернется отец, наверняка ты пойдешь учиться. Я тебе это очень советую. Ты станешь большим человеком, получишь высшее образование. Пообещай мне одно: не обижать евреев. Ни одному еврею не причиняй в своей жизни зла...»

И в этом Душанов ему поклялся.

Хапута по-прежнему обливался потом, поглощая зеленый чай. И много курил. А я, мори, слушал его рассеянно, все более погружаясь в далекие воспоминания детства.

Я видел наш дом на Кукча, обнесенный глиняным дувалом, с колодцем возле калитки. В этот колодец, помню, я однажды свалился и едва остался жив: мои вопли услышала мать. Годиков пять мне было, а может, чуть больше. Помню, как прыгали с глиняной крыши сарая в хлопковую шелуху: ее привез на грузовике отец с маслобойни. Жмыхом и шелухой кормили корову Душановых, ее молока хватало на две семьи. А между дувалами был узкий проход, где соседский взбесившийся бык едва не забодал меня насмерть... Как же звали Душанова старшего: Шарип, Шамиль? Нет, не вспомнить, слишком давно это было... И вот, мори, из этих дальних глубин явился к нам ангел – пожилой, одноногий.

Он поднял с пола свою кошелку и положил ее перед нами.

– Здесь двадцать тысяч, дети. Этого на все вам должно хватить. Душанов в свое время этих денег не взял. Тогда я пошел к Иссэру, он был еще жив. И все ему рассказал: про арест и следствие, про капитана Душанова. Иссэр мне рассмеялся в лицо: «Абба, копите богатства из добрых дел. Я вижу вас на свободе, большей радости мне не надо!» – И тоже эти деньги отверг.

Тогда я, мори, вскочил и принялся бегать по кухне.

– Мы тоже их не возьмем, не станем платить этим бандитам – принципиально: за что, с какой вдруг стати? Уверен, этот налог скоро отменят... Такие сумасшедшие деньги!

Хапута на нас обиделся:

– Это же несерьезно, ребята! Отец твой, Дуда, во сне мне явился, я это уже говорил. Я вам как перст небесный. Валите из этой проклятой страны. Это не я, это Иссэр вам говорит. Я тоже верю, что этот налог отменят. Но вы не можете ждать, завтра же уезжайте.

И он убедил нас, мори...

ЧУДЕСНЫЕ ХАЛЫ

А. ИГИН

Каждую пятницу над еврейским местечком поднимались веселые струйки дыма, а по улицам плыл непередаваемо вкусный запах свежее испеченного хлеба. В каждом еврейском доме, готовясь к субботе, хозяйки выпекали пышные, румяные халы.

Вился густой дымок и над домом рабби Ханины, но в печи было пусто.

С т ы д н о сказать, однако беден был рабби Ханина: ни щепотки муки всю неделю и даже в пятницу – для самой маленькой халы.

Беден, но горд. «Никогда не проси о помощи, - говорил он жене. – Мы должны надеяться на одного только Б-га».

И жена, как могла, скрывала их бедность. Не просила, не одалживалась, а по пятницам, нарочно топила печь сырыми дровами, от которых, как известно, мало огня да много дыма. «Пусть думают люди, - говорила она при этом, кашляя от едкого дыма, - что и мы печем на субботу халы!..»

Верили ей или не верили евреи местечка – неизвестно. Но одна из соседок, завистливая и злая, никак не могла успокоиться.

- Почему столько дыма из трубы рабби Ханины? – рассуждала она про себя и вслух. – Мне ли не знать их бедность! Нет, тут какая-то хитрость. Обязательно разузнаю и всем расскажу. Пусть все смеются!

В ближайшую пятницу, едва дождав-шись пока загустеет дым над крышей рабби Ханины, она подбежала к двери.

Быстрыми шагами скользнула она в кухню, бросилась к печке, распахнула дверцу и... остолбенела. Ровно и бездымно горели сухие дрова, наверху лежали хорошо пропеченные, красивые и душистые халы, а на столе стояла большая миска с тестом.

- Соседка, соседка! – закричала изумленная сплетница, - Где ты? Беги быстрее, халы подгорят!

Не понимая в чем дело, потупив глаза, вышла жена рабби Ханины на кухню.

- Ах, какие чудесные халы! – приговаривала пристыженная соседка, потихоньку приближаясь к выходу. – Ты извини, что зашла в твой дом без спроса... Ах, какие они большие, румяные, никогда таких не видела, - и смущенная убежала.

Посмотрела жена рабби Ханины в печь и поняла, что Б-г сотворил ей чудо.

«Халы», Фрума-Ривка Элкин, 7 лет

- Открой, пожалуйста, соседка, - пропела она сладким голосом, - я пришла к тебе по делу.

Жена рабби Ханины узнала сплетницу и заметалась по кухне. Если пустить ее в дом, та все поймет и начнет насмехаться... Будь что будет, лишь бы уйти от позора: жена рабби Ханины вышла из кухни и тихонько прикрыла дверь в комнату.

Соседка постучала еще раз – никто не отвечает. Толкнула дверь – она оказалась незапертой. «Вот и хорошо, - подумала она, - видно, хозяйка куда-то вышла на минутку, а я сейчас все узнаю!»

ГЛОТОК ТЕПЛА

РАССКАЗЫ О РЕБ ШМУЗЛЕ МУНКЕСЕ

ШОЛЕМ ЛУГОВ

Реб Шмуэль Мункес. Так звали одного из самых близких хасидов рабби Шнеур-Залмана из Ляд. Он примкнул ко двору Старого Ребе, обладая уже достаточным запасом знаний Торы, но продолжал усердно учиться и служить Всевышнему всем своим сердцем. Правда, форма служения у него была довольно необычной — смех да шутки. Реб Шмуэль знал, что только радость способна пробить любые стены и смести с пути все преграды. Хасиды любили своего товарища — за веселый нрав, за неумение падать духом из-за пустяков. Порой и сам Ребе искал его совета в нелегкие для себя моменты жизни...

ЧТОБЫ РОДЫ ПРОШЛИ ЛЕГКО

В синагогу почти вбежала взволнованная женщина. Она искала Ребе. И хотя никогда его не видела, знала что Ребе - цадик, что в трудный час нужно обращаться только к нему и что все его благословения сбываются. В пустой синагоге женщина увидела еврея, склонившегося над священной книгой. Он, слегка покачиваясь взад-вперед, задумчиво поглаживал бороду. Вид у него был серьезный. «Наверное, это и есть Ребе», - подумала женщина и замерла в почтительном ожидании. Еврей поднял голову, увидел гостью и поинтересовался, чем он может помочь. «Ой, Ребе, - вздохнула женщина, - у моей дочери, не дай Б-г никому, тяжелые роды. Ребеночек никак не выйдет. Уж мы все перепробовали. Благословите ее, Ребе...». Реб Шмуэль Мункес (а это был он) всегда принимал страдания своих братьев близко к сердцу. Мог ли он остаться равнодушным сейчас?... «Ступай домой, добрая женщина, - сказал он. - Дома семь раз прочтешь «Изкор» возле постели роженицы, и, с Б-жьей помощью все будет хорошо». Станным показался женщине совет цадика, но раз Ребе говорит... Она поспешила домой и сделала так, как ей сказали...

...На следующий день прислужник доложил Ребе, что его очень хочет видеть какая-то женщина. В кабинет вошла вчерашняя гостья. В волнении она и не заметила, что говорит с другим человеком. Смущаясь, она поставила на стол ароматный пирог, и сказала, что «Изкор» семь раз читать не пришлось. После первого же раза дочка, слава Б-гу, родила здорового мальчика. Осыпав Ребе благодарностями, женщина поспешно покинула синагогу.

Ребе посмотрел на пирог, на закрывшуюся дверь и на некоторое время погрузился в раздумья. Потом он велел прислужнику позвать реб Шмуэля Мункеса.

- Что это еще за новости - читать «Изкор» во время родов? - спросил Ребе, едва тот появился в дверях. - Где ты такое слышал?

Реб Шмуэль Мункес не растерялся ни на мгновение.

- Ее дочка таки родила? Мазл Тов!.. - и под испытующим взглядом Ребе опустил голову.

- Есть обычай, Ребе это знает, - развел руками реб Шмуэль Мункес, - что когда во время службы подходит время для чтения молитвы «Изкор», из синагоги выходят дети. Да что там дети!.. Даже некоторые взрослые выходят!.. Вот я и подумал, что если прочесть эту молитву у постели роженицы, да еще семь раз - ребенок обязательно выйдет!..

КУДА СПЕШИТЬ?

«Поди к молочнику, купи молока да сразу же приходи домой» - наставляла жена реб Шмуэля, вручая ему ведро. Она знала, что муж ее - особенный человек. Голова реб Шмуэля, как у истинного хасида Ребе, постоянно была занята мыслями о материях духовных, высоких. Задумавшись и не найдя ответа на свои вопросы, он мог запросто отправиться к Ребе, начисто позабыв о порученном деле.

Женщина не ошиблась. По дороге к молочнику реб Шмуэль глубоко задумался над одним из учений Ребе. Возник вопрос. Ответ не приходил. Как был, с ведром в руке, погруженный в мысли реб Шмуэль прошел мимо дома молочника и отправился в Лиозно.

Там он пробыл довольно долго. Получив, наконец-то, исчерпывающие объяснения на все свои вопросы, реб Шмуэль отправился домой, в Бешенковичи. И, как только оказался в родном местечке, вспомнил, зачем у него в руках ведро и куда он, собственно, изначально направлялся. Предчувствуя, каким будет разговор с женой, реб Шмуэль поспешил к молочнику, купил молока и чуть ли не бегом направился к дому.

Запыхавшийся, реб Шмуэль взбежал на крыльцо, толкнул дверь, споткнулся и во весь рост растянулся на пороге. Ведро полетело в сторону и по полу растеклась белоснежная молочная лужа. Наблюдавшая за всей этой сценой супруга на мгновение потеряла дар речи.

Реб Шмуэль поднялся на ноги и пробормотал, отряхивая кафтан: «Правду говорят люди: поспешишь — людей насмешишь...»

ГЛОТОК ТЕПЛА

Реб Шмуэль шел к Ребе в Лиозно. Дело было зимой. Поначалу хасид не обращал внимания на холод, но с каждой пройденной верстой ему это удавалось все меньше и меньше. Очень скоро реб Шмуэль почувствовал, что замерзает по-настоящему. Не помогли ни быстрый шаг, ни тулуп, ни валенки. На счастье, реб Шмуэля нагнал обоз. Извозчика не пришлось упрашивать, тот все понял с первого взгляда. Благодаря Всевышнего, реб Шмуэль забрался в телегу, уселся поудобнее и вдруг обнаружил, что сидит в окружении бочек с водкой. Упустить такую возможность было просто смешно.

- Добрый человек, позволь сделать пару глотков, - обратился к извозчику реб Шмуэль, - для обогрева.

Извозчик оказался человеком покладистым. Вскоре реб Шмуэль мирно дремал, прислонившись спиной к одной из бочек и чувствуя, как приятное тепло разливается по его околоченному телу.

...Благополучно добравшись до Лиозно, реб Шмуэль распрощался с добрым извозчиком и стал готовиться к встрече с Ребе.

Встретившись с Ребе, реб Шмуэль рассказал прежде всего о своем дорожном приключении. «...Так я смог воочию убедиться в истинности слов Ребе. Ведь Ребе говорил нам когда-то об учении святого Баал-Шем-Това, что из всего происходящего нужно извлекать урок в своем духовном служении. А урок здесь простой. Водка окружала меня со всех сторон, но тепло мне от этого не было. Даже мысли о согревающей способности водки не согрели меня. Но как только я сделал глоток-другой, мне стало по-настоящему тепло!»

«Вывод отсюда такой, - закончил реб Шмуэль, - можно жить среди хасидов, можно даже учить хасидские труды - и оставаться холодным. По-настоящему тепло станет лишь тогда, когда хасидский образ жизни и все выученное станут частью тебя».

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 МАЯ сего года на одной из главных артерий Бруклина, улице Истэрн-Парквэй, было перекрыто движение.

Более 20 тысяч человек, в основном – дети, собрались возле «Сеवन Севенти», Всемирного Центра Движения ХАБАД-Любавич, чтобы праздновать Лаг-Баомер. И праздник удался!

Программа была насыщенной – акробаты, клоуны, музыка. Главным ее номером стал, конечно же, парад.

Благодаря выходному дню за этим грандиозным зрелищем смогли наблюдать не только жители Бруклина. Люди приезжали со всех концов Нью-Йорка и даже из других штатов (Коннектикут, Нью-Джерси, Пенсильвания). Посредством «всемирной паутины» Интернета за парадом следили еще тысячи человек по всем миру.

Дети были главными участниками парада. Они декламировали Псуким (12 отрывков из Торы и учений мудрецов, которые отобрал в свое время Ребе), провозглашали «Йехи!», лихо маршировали под барабанную дробь, несли лозунги-призывы. Один за другим медленно проезжали на платформах грузовиков гигантские надувные макеты, изображающие нашего праотца Авраама, Моше-рабейну, Синайское Откровение, мир в эпоху Освобождения, тему посланнической миссии ХАБАДА и многое другое. Музыкальной частью руководил певец и ги-

тарист Хаим Фогельман, великолепно справляясь со своей нелегкой задачей. Внес в общий фон свою мажорную нотку военный оркестр армии США. Мелькали флаги, кувыркались клоуны. В эти часы, пожалуй, нельзя было найти ни одного хмурого лица.

Торжественно промаршировала «русская» детская колонна – Youth Zone («зона повышенной детской активности», см. «Свет Мошиаха», № 3) при Любавичском Центре Кенсингтона, руководит которым раввин Моше-Хаим Левин. Детей вела его дочь Рахель. Клубу Youth Zone всего год, но его популярности может позавидовать любой клуб Америки.

После парада дети не поспешили разойтись по домам. Их ждали многочисленные аттракционы, которые растянулись по всей длине Кингстон Авеню – от Истэрн Парквэй до Импайр Бульвар.

